

Министерство образования Республика Беларусь

Учреждение образования
«Полоцкий государственный университет»

Историко-филологический факультет

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТ И ФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 4

Новополоцк
ПГУ
2015

УДК [821.161.1(476)+821.161.3]–822

Редколлегия:

А.И. Мозго (отв. редактор), *Д.А. Лабовкин*, *С.В. Гочаков*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор,
член Белорусского литературного союза «Полоцкая ветвь» *А.А. Гугнин*;
кандидат филологических наук, доцент *Н.Б. Лысова*

В альманахе представлены художественные литературные произведения, переводы и публицистика. Целью издания является развитие и продвижение литературного творчества студентов и преподавателей Полоцкого государственного университета, а также привлечение внимания к текущему литературному процессу.

© УО «ПГУ», 2015

ПОЭЗИЯ

УЛАДЗІМЕР ЛОБАЧ

Сутокі

Неба малое абраз на раз,
каб міраточыць дажджамі і росамі,
на гэтай зямлі і ў гэты час
прыходзім травой і знікаем пакосамі.

Калодзежы з "журавамі"
падабаюцца больш
за тыя, што з клаўротам,
бо, дастаўшы вады з падзем'я,
заўсёды зірнеш на неба.

Каляды. Дождж. Смуга да небакраю,
Па ўсіх электронных дратах – цішыня,
І рэкі ня сьпяць, і птушкі вяртаюцца з раю,
І кожная ў дзюбе нясе немаўля...
Дык павіншуймася! Так, на ўсялякі выпадак.
Не нам наракаць на разгублены сьвет,
Бо ён, як і мы, верыць у шчыры парадак,
Што новае сонца сабою замяніць пасьвет.

У кубку астылай чорнай кавы
пад нетутэйшай назвай "рабуста"
ідуць поўным ходам свае ледаставы,
каб задаволіць паўночныя густы
І сонца плавае белай поўняй,
бялейшая за берагі парцаляны –
яшчэ ня хутка дзень стане роўняй
зімовай ночы і снам каляным.

Ніхто не выходзіць стаяць на дарогу...
Зусім не істотна – ці молішся Богу,
ці проста паставіў зімовую гуму
на колы аўто, што вельмі разумна.

Хай кожны даедзе і дойдзе хай кожны:
і зь пераможаных, і зь пераможных
дарога ня будзе сьмяяцца ніколі,
бо сьлёзаў і смутку на сьвеце даволі.

Дзень прападае, і цень свой ня бачыш.
Але ж ты мужчына, ты не заплачаш.
Стане і моцы, стане і веры
Дайсьці і жывога ліста напісаць. На паперы...

Не паліш да апошняга – месца сьвятое,
прыходзіш-сыходзіш гуманітарным канвоем,
пускаеш думкі па стылай вадзе, па чорнай,
ужо ня верыш, што ноч можа быць і зорнай,
ловіш срэбра сьвятла праз хмары-аблогі
і адчуваеш, як ціха пульсуюць у венах сутокі.

Наша з табой рака ў гэтую восень
нагадае серп небам заточаны
мы можам глядзець,
мы можам заплюшчыць вочы,
мы можам схавацца ў паўсюдны цень
але рака цячэ і адбівае жылкай на скроні
адзін, два, тры... пакуль не супыніцца кроў
у авангардзе ці ар'ергардзе пагоні
нехта памрэ, а нехта народзіцца зноў

Смутна, калі ёсьць азёры, а караблёў няма,
калі віна не вымяраецца чаркай віна,
калі сны не пра тое, што ўбачыць хацеў,
хоць меў такія шчыры, амаль дзіцячы, спадзеў.
Смутна. На небе, зямлі і ў вадзе.
І зорка адна з'яўляецца,
а яшчэ адна прападзе.

Дзеці сьмяюцца, мурлыкае кошка,
дом, азёры, віецца дарожка,
пчолы гудуць у шчырай міласьці,
гатуецца крупнік, збіраюцца госьці:
людзі ад бізнэсу і дудары,
лясьнічыя, цесьлі і ваяры,
этнографы, бо не бывае бязь іх
ні байкі сакоўнай, ні песьні на слых,
але ўсе без жонак, бо жонкі тут – край,
мужчынскі калі рэпетуецца рай.

Хто потым скажа, якою ты нотаі быў?
Як сьпяваў, як любіў, як жыў,
і ці вартыя словы па той бок мяжы,
дзе птушкамі душы лятаць у суцэльнай імжы,
не маючы сіл на палёт адваротны.
Розныя птушкі ёсьць.
Я ж – ніколі ня быў пералётнай...

ТАЦЦЯНА БАГАРАДАВА

Калі маркотна плача дождж
І моўчкі грукае па гзымсе,
Тады журботныя і мы ўсе,
І гэта травеньская ноч.

...Пакліча дождж з сабой у сны,
Дзе водар бэзу аксамітны
І дзе паэт, хоць не выбітны,
Апіша прыгажосць вясны.

Ён як адметны парфумер
Змяшае тонкі пах лістоты,
Плясне чаромхавыя ноты,
Дадаўшы рыфму і памер.

І на палітры шчырых слоў
Пакіне пару белых плямаў –
Малюнак адмысловай драмы,
Дзе ёсць і здрада, і любоў.

Паэт купаецца адзін
У непаўторнай казцы мая;
Пяшчотна ноч яго люляе
І дорыць дзіўны ўспамін:

Пра незабыўныя гады
І непазбежнае каханне –
Спакусу, горыч і растанне,
Якія сталіся тады.

І адурманены паэт,
Няўцямны ад мінулых мрояў
І ад вясновых тых напояў,
Стварае лепшы свой санет!

Вельмі хочацца расой стаць,
Лёсу хуткаму спачын даць,
Доўга моўчкі ў траве спаць
І пра хлеб надзённы не дбаць.

Зліцца з вечнаю зямлёй улад:
Запалоніць мройны далягляд,
Прагным дожджыкам заліць сад –
Зноў вярнуцца ў блакіт назад.

Хоць жыццё імкнецца пад адхон,
Чуць хацела б капажоў звон
І ў бясконцы карагод дзён
Існавання ўпісаць плён!..

Месячна, росна і распачна...
Зноў наўпрасткі па высокай траве
Бегчы без одуму хочацца,
Думкі імпатныя ў галаве
Яваю чуйнай азмрочацца.
Белы туман над вадою плыве...
У наваколлі зацішша і сум;
Моўчкі глытаючы кроплі дажджу
І адхітаючы прывідны тлум,
У цемру начную зацята гляджу.
Раптам прымрояцца ў золкай цішы
Крокі каханага ў лесе начным –
Стань, не спяшайся, амаль не дышы,
Каб не расталі пачуцці, як дым.
Сцішана, стоена ў гушчары
Птушка начная заплача наўзрыд;
Як не згубіцца ў жыццёвым віры
Сярод маўклівых ялінавых дзід?!

Крылаў палёт абсяжны
Па-над бусліным краем...
Зноў па-юнацку вальсяжна
Шчасце за хвост трымаю.

А яно рвецца з абдымкаў,
Хоча ў пяшчотныя рукі:
Горача, хмельна, дымна,
Весела там без прынуку.

Моцна самлелыя пальцы
Дзіўную птушку змыкаюць,
Палкім пранізлівым танцам
У вечны блакіт не пускаюць.

Сіняя птушка шчасця –
Людзі такой цябе бачаць,
Камнем з нябёс упасці
Мусіш калісьці – найначай!

Alter Ego

Две половинки: земная, небесная,
Россыпью строфы...
Женщина-Птица, и месса воскресная,
И катастрофа!

Вечно счастливой тревогой крещёная
В жизнь – на распятья!
Белые крылья, на боли возвращенные,
Солнцу – в объятья!

И одержимой души территория
Непостижима!
Где же дорога с названием виктория?
Только б не мимо!

Приговорённая дочь Поэзии!
Сверху – виднее!
Что же так больно ты ходишь по лезвию,
Там, где острее?

Не для тебя – снизойти до банальности!
Ты – не для лести!
Верный спаситель моей ирреальности
С ангелом вместе!

Всепобеждающая по рождению –
Стань выше битвы!
Я воздаю за тебя на Крещение
Шёпот молитвы.

Записаны все дни в небесном циферблате,
И очередность пьес, и розыгрыш призов,
(И Ваших глаз пробег по этим строчкам, кстати!,
И несмятенье душ, и несказанье слов.)

Чему же так скорбим, так радуемся глупо,
Наивно возгордясь своим прошедшим днём?
А кто-то там – вверх – поглядывает в лупу,
Смеясь, как лавры мы друг другу раздаём.

МАРИНА ШУХАНКОВА

Мы только лишь тени ушедших героев,
Склоняемы солнцем в покорности дня.
Мы камни пустыни. Мы сушь водопоев.
Мы чёрные угли былого огня.

Мы птицы без неба, мы зёрна на скалах,
Застывшие россыпи белых снегов.
Мы слёзы-озёра, мы ветры в пожарах,
Кривые дороги в плену тупиков.

Мы в серость размешанный ангел и демон.
От собственной сущности – на волосок!
Мы все потерялись... Но где же мы? Где мы?
В распятие пальцев бегущий песок.

Суламифь

Умножает познание-скорбь Соломон,
Божью мудрость внимая и благоговая.
Безразличен ему всенародный поклон,
И соковища мира, и святость елея.

Завтра снова судьёй в справедливость играть
И предчувствовать Бога немые угрозы,
Равнодушной рукою цариц отвергать,
И не спать, и не видеть Израиля слёзы.

Сок лозы виноградной испив, он бредёт
Сквозь наложниц прекрасных – её воскрешает...
«Всё проходит... И это однажды пройдёт...», –
Изумрудом у вечности в перстне сияет.

Повинуясь закону земному
умирает нарцисс в графине.
Никому не уйти по-иному
ни во веки, и ни отныне.
Что ж ты плачешь слезой по стеблю –
в сей божественной несвободе
ты не первый воскормишь землю
в нескончаемом хороводе.
Я сминаю тебя до срока...
Мне сегодня Она подвластна –
Та, бродящая одиноко,
что в руке моей так прекрасна.

ЕЛЕНА ЧУЛОВА

Задача

Мечусь между «есть» и «надо»,
 Плыву в морях безразличия.
 «Надо» жизни не радо,
 А так, – что есть, то отлично.
 Мир стараясь постигнуть
 И все отмечая внимательно,
 Не сможешь нирваны достигнуть,
 Да это и не обязательно.
 «Есть – просто чудо обычное
 Жизни, живущей неистово.
 Ей безразлично личное, –
 В этом, возможно, истина».
 Смешно!
 (Зачем эти действия?
 Нам из реальности выскочить?)

Дано:

Противодействие
 (Раз, научиться и выключить).
 Цепь
 замыкается листьями
 Клёнов, дрожащих под окнами;
 В алых монистах – истина.
 Примеси: ложь с кривотолками.

В белых морях безразличия
 Терпит корабль крушение.
 Для рыб – пища отличная.
 И это его

Решение:

Save

У всех есть области жизни
 под юрисдикцией Бога.
 Они подобны отчизне.
 Они – прямая дорога.

На них встречать можно вызов,
 по ним идти можно в голод,
 но, даже ветром пронизан,
 ты будешь счастлив и молод.

Они не будут зависеть
 от посторонней оценки,
 пусть ты пойдешь не по высям, –
 по плитусам, возле стенки.

То, что даруется свыше,
 вне социальных сюжетов, –
 есть безопасная ниша,
 и не боится запретов.

Вне конкуренции, где-то
 вне положений закона,
 оно надежно, как лето
 и материнское лоно.

Лето

Старые ивы
 тянулись к воде руками,
 В прохладе, счастливый,
 спрятался на дне камень,
 Полное, до краев, плескалось о берег лето,
 и солнце – в сини ручьев – как золотая монета.

Луна

Розовая луна между стволами сосен кружилась.
 Ткнулась в окно машины, заговорить не решилась.
 Ее все равно никто бы слушать не стал до субботы.
 Поболтать, что ли, с луной, возвращаясь с работы?
 Она солнечный свет берегла от полноты души, но
 я ее расспросить не могла, мы очень спешили.
 Понимаю, за ней века, и она не проспит свой завтрак,
 но рассмотреть ее нужно, пока она прозрачна, кругла и легка,
 она же состарится завтра.

О любви

Бывает так, что в душе часть Бога
 к себе подобной находит дорогу
 через кордоны обыденной правды,
 условности и преграды:
 через все то, что казалось важным,
 что, может быть, вас спасло не однажды,
 но стало подобно детской одежде,
 пусть и любимой прежде.

Не так уж важно, какой таракан, и он ли
 только что был у руля, –
 люди не всегда чувствуют, что им больно,
 и куда в данный момент повернула Земля,
 и лишь Воля Божья гуляет в их жизни привольно,
 как ветер, заметная лишь мудрецам и детям,
 судьбы и волосы им шевеля.
 Но однажды, он вдруг вас наполнит, вешний,
 и на доске не останется больше пешек –
 лишь шедшие век сквозь трудных решений бреши
 два любящих короля.

ВЯЧЕСЛАВ МАЛЬЦЕВ

Одним желаньем существую я теперь,
Миг счастья у больного не отнять
Когда палаты тихо отворится дверь
И ты ко мне присядешь на кровать.

1985

Боль утихла, высохли глаза,
Мысли обрели былую связность.
По щеке последняя слеза
Прокатилась, в бороде завязнув.

Только по ночам не спится мне.
Голос музы заглушен стенаньем
И роятся в гулкой тишине
Сладостной поры воспоминанья.

1987

Налей, мой друг, полней стаканы.
Помянем души обнищавшие.
По кухне бродят тараканы
Голодные и отощавшие.

И вспоминая жизнь нескучную,
От умиления чуть не плача,
Пускаю жизнь на волю случая,
Тайком надеясь на удачу.

Июнь 1997

Путь трамвайный заснежен,
Рельсы еле видны.
Буду я с тобой нежен,
Может быть, до весны.

А весною задует
Теплый ветер с бугра,
И тихонько уйду я,
Не дождавшись утра.

Октябрь 1998

Холода пришли, холода,
Листья желтые корчатся в лужах.
Если я никому не нужен,
Пристрелите меня, господа.

Ноябрь 1999

Помянем позднюю любовь,
Ее мы выпили до дна.
Вновь я один, и ты одна,
И не играет больше кровь.

И пусть теория верна,
А приговор судьбы суров,
Немало наломали дров,
Немало выпили вина.

Ноябрь 1999

Здесь каждый камень наши встречи помнит
И лес, и озеро, и церковь на Двине.
Мой каждый день воспоминаньями заполнен.
То было наяву иль, к сожалению, во сне?

Вновь листва опадает со спящих деревьев,
Снова ветер холодный мне голову студит.
Время быстро летит, и как важно, поверь мне,
Знать, что кто-то тебя еще капельку любит.

16.09.2002

Я шагаю, немного пьяный,
Откровенно любясь собой,
И твержу про себя постоянно:
Ах, какой я еще молодой!

Ах, как быстро несут меня ноги,
Ясен взор мой и четок след.
И идти мне по этой дороге,
Я надеюсь, немало лет.

Резвой тройкою годы промчали,
Поседели виски с бородой.
Организм посещают печали,
Но душой я всегда молодой.

Январь-июнь 2006

Ты уехал и погода изменилась.
Хлынул ливень, будто вырвало заглушку.
Сколько ждать тебя теперь, скажи на милость,
Сколько слез пролить в остывшую подушку?

Не сумела я любви твоей добиться.
Так случилось, я тебя не обвиняю.
Ты уехал, но ты должен мне присниться
В эту ночь, когда луна рога меняет.

2.10.2007

Carpe nochem

Однажды вечером, весенним, колким,
Когда укрылись небеса вуалью серой,
Когда по капле скатывались слезы
У ветра дерзкого под стон капли,
Когда в молчанье погруженный город
Огнями желтыми над речкой красовался,
Забрел романтик, одинокий и уставший,
В полупустой кабак на чашку кофе с мятой.

За барной стойкой в платье черном
Сидела девушка и что-то напевала.
Он сел за столик, закурил сигару,
Пытался уловить слова той песни,
Смотрел на тонкие ее запястья,
И сердце в скорби замирало.

Он ничего уже не ждал от баров дымных,
Устал он день ловить с уст нелюбимых,
Пресытившись обычным ходом серых будней,
Искал он истину в вине, не в пресных людях.
Давно забыл о теплых чувствах и улыбках,
Он предан был полетам мыслей зыбких.

Тем вечером на миг казалось растопила
Загадочной певицы странная манера
Сидеть и петь о чем-то беспричинно.
И в тихом вальсе слов кружились строки:
«Когда не пойман день печалью одинокой,
Лови же ночь, романтик синеокий!»

Я – Пандора с ящиком сомнений,
Открыв его однажды,
Закрыть, увы, не в силах.
Каждый перекресток проклят,
Благословлен был путь
По тропе холодного сердца,
Пока не превратилась в камень
Последняя песнь души.
Но туманный взор твой
Стал тюрьмой моей,
Заточенная, обездвиженная,
Благодарю богов
За застывшую улыбку твою
И чертежи клетки
Под названием любовь.

Я – молчаливая Кассандра.
Знаю, не поверишь снам моим,
Прячу глаза в звездной бездне,
Скрываю уста под маской безразличия,
Омывая ночь горячей слезою.
Запирая меня в тюрьме своей,
Обрекаешь нас на погибель
Под звон недосказанных слов.
Но я готова умереть в дыхании твоём,
Мне чужды оковы земного мира,
Хочу раствориться в тебе...

Я – жрица храма Гекаты,
Танцую под полною луной,
Молю о мудрости во спасение,
Отрекаясь от таинственного,
Готова ступить навстречу тебе.
Освобождаясь от преисподней,
Погасив факелы, отрекаюсь от себя
Во имя прошлого в объятиях твоих
И будущего в снах твоих.
Настоящее же спрячу в поцелуе
Последнего майского дождя.

ЯНА ГИЛЬМУЛЛИНА

Дом небесный

Как хорошо, когда есть дом,
Но не земной, а дом небесный,
Когда с любовью тихой в нём
Тебе готовят мир чудесный.

Как хорошо, когда прийти
Туда ты можешь на мгновенье
И утешение найти,
Отбросив тяжкие сомненья.

И знать – надёжный этот дом,
И там тепло и крепки стены,
Не страшен ветер, буря, гром
И все житейские измены.

Лишь надо сердцем сохранить
На дом небесный упованье,
И лучше странником прослыть
В краю земном, порвав с желаньем,

Стяжать богатство жизни бренной,
Чем между небом и землёю
В безмерной вечности нетленной
Скитальцем быть своей душою.

Я когда-нибудь уйду,
Растворюсь в слезах вселенной.
Как боюсь, что не найду
Здесь я истины нетленной.

Мне успеть бы всё понять
До того как час настанет.
Не умерить, не унять
Боль, что ранить не устанет.

Я терзаюсь всё сильнее,
Я ищу душой мятежной
Правду жизни, средь огней
Потеряв её небрежно.

ПРОЗА

МАКСИМ КРУПСКИЙ

РУССКАЯ РУЛЕТКА

Сколько раз буду смотреть Старушке-Смерти в глаза? Чашка кофе, сильная таблетка, встал и пошёл на вокзал. Утро чудесное, солнце просыпается после ночи, утренняя прохлада до дрожи.

Хорошо, что по пути никого не встретил. Улыбка на лице, а в голове куча мыслей, ноги немеют – не знаю, откуда появляются силы идти. Моё воображение отвечает за меня.

Сидят трое, беседуют – я, Старушка-Смерть и Старушка-Жизнь. Решают, что будет, если меня не станет. Но они ли? Разговаривая между собой, обращаются ко мне. Делят меня, с кем быть, уйти или остаться. Каждый приводит свои доводы. Смерть жалуется на меня, мол, что я достал её своими хождениями по лезвию ножа, на грани Жизни и Смерти, в сотый раз вызывая её на этот диалог. В подтверждение своих слов показывает на стоящую рядом с ней толпу народа, ликующих, жаждущих феерии, праздника, ожидающих своего триумфа. Сотни раз были они близки к празднованию избавления от назойливой мухи, отравляющим им «спокойную» жизнь в фальши и лицемерии.

Старушка-Жизнь абсолютно спокойна. Ей привычно наблюдать такую картину. Вот уже N-ое количество лет день изо дня видит это цирковое шоу в исполнении жалких актёришек. В очередной раз рассудительно со свойственным только ей спокойным тоном предъявляет свои козыри:

– Видишь, Смерть, несколько человек, стоящих по правую руку от меня?

– Вижу, – ответила Смерть, прекрасно понимая, на что намекает Жизнь.

– В отличие от твоих «соратников» они молча стоят в стороне, шёпотом читают молитвы, умоляя меня спасти этого безумца, просят пощады за него. Пока они рядом с ним, ты бессильна точно так же, как и я. У них свой мир, мир, в котором они одна семья, нет друзей или родственников, есть их семья, разделить эту Семью невозможно. Каждый из них сложит голову друг за друга, не задумываясь о самом себе. Только когда его близкие отвернутся от него, я стану бессильна. Не я его защищаю, энергетика его семьи вытягивают его из твоих клещей. Ты бессильна, не трогай его. Он им нужен. Вот такой сумасшедший, но с открытой душой.

Старушка-Жизнь повернулась ко мне и сказала:

– Ещё одну партию ты выиграл благодаря своей семье. Цени это! Однажды я перестану заступаться за тебя. Действуй, пореже бросай слова на ветер. У тебя на это уже нет времени. Цени каждый день своей жизни, каждую минуту, каждый миг. Цени близких, рискуй ради любимой. Это твой шанс, она с тобой и любит тебя. Хоть и не лёгкую жизнь проживёт, если останется с тобой. Но если останется, никогда ни на минуту не пожалеет о своём выборе. Береги маму, ей тяжело, но она сильная, всегда тебя поймёт, как всегда молча, без слов.

Мне нечего было ответить на это. Ещё одна партия в русскую рулетку по моим правилам выиграна, но на каждый выигрыш всегда есть свой лимит попыток.

Пора заканчивать с играми. У каждого из нас бывает, что наступает момент, когда нужно сделать шаг вперёд, начать новый этап в жизни. Наши страхи – наши беды. Человек – существо, способное приспосабливаться к условиям среды обитания. У каждого она своя. Вот так и у меня. Бывает, что начинаю бояться самого себя, своих привычек. За всё в нашей жизни приходится платить: за счастье, любовь, дружбу, здоровье, преданность. Прося в очередной раз Старушку-Жизнь оказать мне услугу, знаю, что придётся заплатить.

Долго оставаясь один, привыкаешь к мысли об одиночестве. Отдавая часть своей души за близких, редко задумываешься о себе, да и зачем. Борясь за счастье близких, я немного успокаивался. Но в глубине души хотелось своего кусочка счастья, свою семью, любимую жену, долгожданных детишек, хотя всегда оставлял эти мысли на потом. Не раз слышал, что те, кому помогаю я, желают мне счастья, чтобы в моей жизни наступил такой момент, когда появится девушка, которая будет именно той, которую я так ждал, и вся нежность будет только для неё.

У меня такой момент наступил, но, как оказалось, я не готов, не готов в душе. Одиночество – коварный дьявол, способный надломить даже самого сильного. Судьба даёт мне очередное испытание. Вновь перестраиваю самого себя. Ничего не бывает в жизни случайным. Знаю, что Старушка-Жизнь даёт мне второй шанс. Ключик от моего счастья у моего Сокровища. Именно она и есть моё счастье. Всё, что пришлось пройти для того, чтобы увидеть её – это мелочи, решаемые жизненные мелочи. Однако только желания и стремления

для счастья мало. В любви, как на войне, побеждает сильнейший. И в данный момент война идёт с самим собой, с моей неуверенностью в самом себе. Страх перед самим собой, привычка быть наедине с самим собой, частое предательство – нужно отпустить старую жизнь и жить дальше. Давно пора стереть из памяти ненужные файлы. Сегодня у меня есть шанс подняться ещё на одну ступеньку вверх в жизни, шанс, упускать который не имею права. Нужно время, чтобы принять изменения в жизни, жить с ними. Пришло время измениться самому, добавить уверенности в завтрашнем дне. Это необходимый шаг для того, чтобы моя любимая светилась от счастья. Смогу дать своей будущей жене и своим детям наш кусочек счастья. Всё в моих руках. Я смогу. Сейчас для этого есть всё, что мне нужно.

НАТАША ВОЛКОВА

ПАРК

В это утро было по-особенному красиво. Маленькие снежинки падали на землю и застилали её белоснежным ковром. Она долго смотрела из своего окна на одиннадцатом этаже на первый снег и медленно пила свой зелёный чай.

– Смотри, – мечтательно говорила она. – Какая красота! Пошли скорее на улицу!

– Солнышко, скоро все растает и будет ужасно некрасиво.

«Он не поймёт, но какая разница, ведь я его люблю. И пускай я не скажу никогда первой, но, я думаю, он и так всё отлично знает».

«Как же я её люблю! Почему я не могу ей сказать об этом? Но она, наверное, и так всё знает, просто как-то не к слову, а вдруг что-то пойдет не так?»

Она любила мечтать о детях, бегающих по улице под дождём. Ей очень нравилось слушать радостные крики, смотреть на едва заметные улыбки, наблюдать, как какой-нибудь озорной малыш тайком от родителей убирал зонтик и ловил маленькие капли дождя на язык. Она улыбалась про себя и думала, что и её малыш так же будет делать, а она будет идти рядышком и даже не замечать этого, потому что она будет вглядываться в тёмно-синее небо. Она поднимет высоко к небу голову, улыбнётся небу и закроет глаза, и от этой улыбки станет тепло не только прохожим, которые сумеют рассмотреть её, но и ей самой. Ей станет тепло, даже в дождливую погоду. А он будет стоять под зонтиком и смотреть на неё с укором и любовью одновременно. Когда она подойдёт к нему, он посмотрит на неё как на маленького ребёнка, обнимет нежно-нежно, а потом отругает за то, к чему она приучила ребенка. А малыш с детства пойдёт в маму, будет такой же задумчивый и романтичный, у него будут глаза как у папы, карие, манящие, и светлые волосы как у мамы.

– Эй, ты где там? Я тебе уже в третий раз повторяю кофе с молоком или без? – ласково, но с маленьким упрёком спросил он.

– Прости, задумалась. Нет, я же пью чай, разве ты забыл? Мне надо выйти.

– Подожди, возьми зонтик. – Он ласково улыбнулся одними глазами.

В такие моменты она и понимала, за что она его так любила. С ним было уютно. Можно было сидеть перед окном под пледом и просто молчать. Иногда ей казалось, что она может просидеть так молча с ним вечность. В этой тишине происходило нечто большее, в этой тишине разговаривали их души.

Холодные капли дождя прервали все её мысли. Она посмотрела вверх на их окна, он стоял и мило улыбался, показывая, чтобы она открыла зонтик. Она открыла зонтик, только чтобы успокоить его, и, как только зашла за угол, сразу же его закрыла. Она любила, когда маленькие капельки попадали на щёки, на глаза. Она всё равно не красилась. Ей были незнакомы проблемы тех девушек, которые бежали под зонтиками до ближайшего зеркала, чтобы посмотреть, не потекла ли тушь. Ей было их жаль: тратить жизнь на такую мелочь. Сама того не замечая, она дошла до парка. Она с детства любила этот многолюдный парк. Когда было грустно и одиноко, она всегда приходила сюда. Все проблемы сразу же оказывались мелочью. Но сегодня он был пуст. Хотя она и любила шумные компании, но иногда так хотелось побыть наедине с собой. В последнее время это случалось очень редко. Она была душой любой компании. У всех складывалось впечатление о ней как о весёлой и интересной девушке, поэтому Андрей так часто ревновал её, однако она не давала ни одного повода. Он очень корил себя за эту глупую ревность.

Холодная вода уже стала попадать в балетки. Она как всегда забыла переодеть обувь. Прогуливаясь по старинному парку, она представляла, какие здесь раньше проводили шикарные балы. Как бы она хотела жить в

XIX веке, во времена дворцов и карет, принцев и подвигов. За спиной промелькнула чья-то тень. Ей стало страшно. Почему же его нет рядом?

Она присела на скамейку и закрыла глаза. Какое же это блаженство просто сидеть с закрытыми глазами! По телу разливается теплота, неизвестно откуда взявшаяся, появляется чувство гармонии с собой и с окружающим миром...

Андрей уже начал волноваться, не замерзла ли она. Он пил любимый горький кофе, но чувствовал себя неудобно. Причина была ему непонятна, но немного поразмыслив, он пришёл к выводу, что для него уют, когда Елена рядом – будь то в деревенском домике, будь то в дорогом особняке. Он сидел и просматривал страницы общих друзей. Как ни странно, но все парочки либо недавно поженились, либо собирались. Он рассматривал их совместные фотографии. Неужели он один замечал фальшивую нежность между красивой молодой блондинкой и бизнесменом с лысиной. У них с Еленой всё не так: если смеются, то громко и искренне, они никогда не делают что-то напоказ, они такие, какие есть.

Елена насквозь промокла, стало холодно и сыро, да и дождь закончился. Люди стали выходить из своих убежищ. Она улыбнулась уголками губ при мысли, какое у него будет обеспокоенное лицо. Она шла по новой дороге: она здесь абсолютно недавно появилась, даже жители ближайших домов к ней ещё не привыкли. А дальше... Маленькая девочка с огромными зелёными глазами бежит за мячиком, машина несётся на огромной скорости. Елена подбежала к девочке, оттолкнула её от дороги. Она ни на минуту не задумалась, что будет с ней. Визг тормозов и детский крик: «Мама, а что это с той красивой девушкой? Мам, а почему она не встаёт?»

Пусто, ни страха ни сожаления... Ничего. Последним она увидела размытые очертания человека в чёрной кожаной куртке, она сразу же догадалась, что это Андрей. Такую же кожаную куртку они выбирали когда-то вместе на его день рождения. Он рядом, а значит, всё будет хорошо, иначе быть не может. Человек в кожаной куртке аккуратно взял Елену на руки и понёс её. Он был с ней. Даже ближе, чем рядом...

АНАСТАСИЯ МОЗГО

БЕЛАЯ МОЗАИКА

Меланхолия, доведённая до самоубийства, или самоубийство, доведённое до меланхолии? Теперь уже не важно... Всё проходит, но прошло ли? Да и было ли? Или всё же важно?

Нет, итог один – тело без души или душа без тела. А мир не изменился, Земля вертится с привычной скоростью. Солнце только немножко поактивнее стало. Только ведь вселенские масштабы не соизмеримы с океаном сердца или лужицей крови из него вытекающей.

Прискорбно, но время не повернет вспять, и тысячи измерений не сойдутся в единую мировую линию. Смерть – самая поэтичная вещь на свете – окрашена сомнениями последнего вздоха и разложением оболочки под толщей земли. Воспоминания живущих – рабы смерти – гниют вместе с телами усопших. Тем не менее её ничто не остановило. Она просто ушла. И дело не в избалованности, одиночестве или усталости. Всему виной – белая мозаика, а именно одна недостающая деталь...

Был её двадцать первый день рождения, за окном майский ветер шутиливо заигрывал с юной листвой каштанов, готовящихся к очередному цветению. Возможно, вечером пошёл бы дождь, но она уйдёт до него...

Стол-книга – неотъемлемая составляющая любой квартиры ещё с советских времён – стоит у окна. На нём разложена мозаика, более того, она практически собрана. Недостаёт несколько деталей. Особенность картинки – белый фон, ничего лишнего, механическое собирание деталей в единое целое по принципу «подходит – не подходит». Здесь нет нужды в игре воображения или следования традиционному изображению города или котиков. Белое полотно в трещинах от стыков не давало покоя уже вторую неделю. Вечера превращались в монотонное перебирание деталей. Но сегодня важный день, она закончит её. Что пара кусочков по сравнению с несколькими сотнями, уже нашедшими своё место.

Она посмотрела в окно: сизые облака играли в догонялки, голуби, склонив головы набок, сидели под крышей соседнего дома, машины проносились одна за другой. Всё как обычно.

«Всё проходит» – мелькнула мысль в голове у девушки. Она и не заметила, как на столе не осталось ни одной детали. Но мозаика не была окончена. В левом углу белого фона зияла пустота. «Она не закончена... Где же я могла её потерять? Если не закончу, она не пройдёт? Не пройдёт, не растворится очередным воспоминанием? Значит, не всё проходит? Опять? Нет... Всё проходит! Или пройдёт! А сейчас что? Нет. Где же она? Я так не

могу...» Она села на пол, холодные стены обжигали открытые плечи девушки. В голове играла мелодия старой песни, но она не помнила всех слов, они были лишними. Она ухмыльнулась. Нелепая иллюзия улыбки, и вновь пустота.

Как она ни старалась привести жизнь в порядок, вечно не хватало одной детали: или создатель оставил её себе, или она потеряла её? Недостающий элемент, реально существующий, но не здесь и не сейчас. «Выпить ли кофе?» – подумала она и пошла на кухню. «Где она? Неужели я не могу взять да сложить простую мозаику? А пытаюсь разобраться в себе! Вот это ирония! Разрезать яблоко...» Она взяла в руки острый нож и пронзила им сердце, познавшее запретный плод. Закипал чайник, а ко дну любимой кружки с ложкой нерастворимого кофе приклеилась недостающая мозаика...

Он спал. Она аккуратно провела чёрным острым ноготком по его щеке. Глубокие морщины вокруг глаз, лёгкая небритость и усталая полуулыбка – ему нет и тридцати, но жизнь успела преподнести немало неприятных сюрпризов. Он никогда о них не рассказывал, словно собрал их в одну большую коробку и отнёс на чердак пылиться, забыв о них. Но глаза говорили о другом, в них таилась опасная смесь отрешённости и желания пуститься во все тяжкие. Голубые глаза – не ярко голубые, как улыбка весеннего неба, и не глубокого синего цвета, как океан под жарким солнцем тропиков, – лёгкие и туманные, словно нарисованные пастелью, мягкие и нежные, но всё же недостижимые, словно невидимая полупрозрачная стена из взвеси пыли в солнечных лучах запрещала погрузиться в тайный и загадочный мир его души. Он всегда был рядом, но она не знала его. Он оставался чужим, родным и чужим... Как только он, казалось, готов был подняться на тот самый чердак воспоминаний, что-то останавливало его: то звук лопнувшей гитарной струны, то неожиданный звонок. А иногда он просто останавливался перед дверью, застыл на несколько секунд, а потом оборачивался со знакомой до боли полуулыбкой и уходил в другую комнату. Он всегда ускользал, растворялся именно в те минуты, когда был ближе всего. Неуловимый, словно истинная его суть была призраком, чье присутствие чувствуешь, но прикоснуться не можешь.

Она смотрела на него, он спал, слегка свернувшись в клубок, как маленький ребёнок, который заснул в ожидании матери, которая должна была поцеловать его перед сном, укрыть тёплым одеялом, но так и не пришла.

Завтра будет два года, как она с ним знакома. Он не знал, что они впервые встретились в одном из снов. Она никогда не рассказывала ему об этом, она боялась. Она помнила тот сон с точностью до мелочей.

Ночь. Незнакомый город. Пустынная улица. Она стоит посреди дороги. Внезапно откуда ни возьмись появляется он, высокий, широкоплечий, уверенный, берёт за руку и ведёт за собой, он не смотрит на неё, а она – на него. Они идут вдоль улицы, мимо домов, в которых давно погашен свет, мимо машин, которые успели слегка покрыться инеем. Их путь освещает полная луна на черном небе. Ни звезд, ни облаков – идеальное сочетание чёрно-жёлтой бессонницы. Она выпустила руку из его руки. Он обернулся и посмотрел ей в глаза.

– Почему ты отпустила мою руку? – спросил он.

– Я не отпускала, – прошептала она, глядя на него.

– Не делай так больше! – сказал он нежно, но уверенно. Пустой взгляд и холодная полуулыбка словно околдовали её. Она чувствовала, что это всего лишь маска... Начали гаснуть фонари, а они продолжали свой путь в никуда по ночному городу.

Когда она проснулась, странное чувство не покидало её. Встревоженная, она стала быстро собираться на работу, она знала, что сон не случаен, но на некоторое время забыла о нём.

Он повернулся к ней спиной, спал он последнее время беспокойно. Она же ещё долго не могла уснуть. Воспоминания одно за другим всплывали в памяти, как корабли, затерянные в море, о которых уже никто и не помнит, но которые рано или поздно возвращаются в родную гавань.

Первая встреча год назад... Он, серьёзный, молчаливый, брёл домой поздно вечером. Она стояла на мосту и пускала мыльные пузыри. Начало декабря выдалось тёплым, ни ветра, ни снега. Лишь чёрная река под жёлтыми лучами тусклых фонарей и полной луны, огни города, танцующие на водной глади, и пустынная улица. На мосту никого кроме неё не было – ни проезжающих мимо машин, ни надоедливых прохожих. Просто мыльные пузыри на фоне беззвёздного неба. Она радовалась как ребёнок безумной шалости. Он увидел её издали: молодая девушка в коротком пальто стоит одна, не замечая ничего вокруг.

– У вас все хорошо?

– Да, а у вас?

- Да у меня-то как раз все нормально, про вас не могу сказать того же.
- Почему это?
- Да потому. Вы одна стоите посреди моста и пускаете мыльные пузыри ночью в декабре.
- А что нельзя?
- Почему нельзя, можно. Просто опасно это, мало ли кто приставать начнёт, или милиция заберёт?
- Не переживайте, ничего такого не случится. Может вы тоже попробуете?
- Я? Вы точно странная!
- Ну же! Здесь ничего сложного! Давайте!

Он взял у неё баночку с мыльными пузырями, плотно закрыл и строгим голосом сказал:

- Я провожу вас до дома, чтобы не беспокоиться, поиграли и хватит!
- Ну вот, испортили все веселье...
- Дай руку и пойдём.
- Уже на ты?
- Ничего, потерпишь, мне и без тебя проблем хватает, пойдём.

Он взял её за руку и спросил, куда идти. Она ответила, и они побрели по пустынной улице города. Она шла чуть позади, как провинившийся ребенок. Она вспомнила сон и отпустила его руку.

- Почему ты отпустила мою руку?

Она замерла, сердце готово было остановиться.

- Я не отпускала, – еле выдавила она, стараясь не смотреть на него.

– Не делай так больше! – фраза, которую она давно знала. Целый год она пыталась избавиться от странного сна, и вот он происходит с ней наяву.

Он проводил её до подъезда, пожелал спокойной ночи и побрёл домой. Спустя несколько дней они случайно встретились в городе, завязался разговор, и через месяц-полтора они начали встречаться. Станный сон, маленькое безумство и встреча на мосту поменяла её жизнь, но не его. Он так и остался загадочным прохожим, первым декабрьским снегом, которого ты ждёшь, но который, едва коснувшись, тает на тёплых ладонях.

Вспомнила она и первый его подарок – белая мозаика, пару сотен деталей, одноцветных, но разной формы. За полгода она так и не смогла сложить её полностью. Рамка выходила легко, но середина всегда оставалась незавершённой. Чем больше она сидела над мозаикой, тем сильнее терзали её сомнения. И сегодня вечером у неё осталось всего пять деталей, которые никак не подходили. Всего пять из нескольких сотен.

Она смотрела на него спящего. Она знала, что тяжело понять другого человека, если не можешь понять себя, можно лишь почувствовать его дыхание, вкус на его губах, его боль и радость. Но только не с ним. Он загадка, тайна, молчаливый демон, не требующий ничего. Она украдкой поцеловала его, укрыла одеялом и вышла из квартиры. Она знала, что эту головоломку ей не решить никогда...

- Вечер добрый!
- Добрый!
- Как поживаете?
- Весьма неплохо, а вы?
- Не жалуюсь. Что ж хорошая погода?
- Да, только вот холодновато для мая. А так ничего, сойдёт.
- Да, скорее бы потеплело. Можно гулять подольше.
- Да, вы правы. И пальто не нужно.
- Совершенно верно. Что ж, присядем.
- Да, конечно.

Пожилая пара присела на скамейку в парке. Они не знали имен друг друга, да и незачем было знать. Они встретились прошлым летом, совершенно случайно. С тех пор, если позволяла погода и здоровье, они прогуливались вместе, выпивали чашечку чая или кофе и возвращались домой. Никто никого не провожал, никто никого не встречал. Так повелось. Они просто встречались, разговаривали и прощались словно добрые знакомые.

- Что у вас нового?
- Всё по-старому, огород, телевизор, внуки... А у вас?
- Так же, только сердечко пошаливает чаще.

- Ну ничего, возраст, здесь уж против природы не пойдёшь.
- Да, седьмой десяток уже... Молодые умирают, что нам старикам...
- И не говорите...

Они улыбнулись. Они понимали друг друга с полуслова. В глазах ещё горел огонек, но прохожие замечали только седину да морщины.

- Внук мой диковинную вещь домой принёс. Мозаика называется.

– А, картинку где нужно составлять? То я знаю, сам балуюсь. Сын с невесткой мне подарили несколько штук. Большие такие, с городами заморскими. Так я как засяду порой. Вечера коротать помогают, да и голова работает.

– Да нет, эти-то я знаю. Вон, Ивановна, соседка моя, собирает их, в рамку да на стенку. Кот у неё рыжий хорошо, плут, вышел. То другая – одноцветная! Белая!

- Так что ж это получается, просто белый лист? Так и зачем она нужна?

– Сама не знаю... Сидишь, детали подбираешь, говорят для головы-то полезная штука... Я пробовала, да только грустно как-то мне стало...

– Что ж вы так пригорюнились, голубушка, не поспеваете за внуками? Так ничего, у нас своя мудрость имеется.

– Нет, я о другом задумалась. Белый лист – пустой, без души что ли, одни стыки. Внуки ж мои серьезные, рационалисты. Ничего лишнего им не надо. Всё в ногу со временем шагают. А мечтать-то забывают...

– Может быть и так. Только это всего лишь игрушка. Вон, мои планы себе понастроили, в Египет полетят отдыхать. Дача уж и не нужна. В лес по грибы внуков не вытянешь. Да и за советом – не к деду, а в интернет. А мечтать – мечтают. Сколько всего надо. Только успевай за ними. Вот, старшой, Сашка, внучок мой, компьютер с собой в сумке носит, всё мне показывает. А вчера племяннице из Астрахани позвонил. Далеко ж от нас, раньше пять дней поездом, чтоб увидеть, а теперь кнопку нажал и смотришь, сидит она.

- Игрушка-игрушкой, но боязно как-то.

– А чего бояться-то? Нам уж нечего терять. Да и времени не так много у нас. Кто его знает, может, ещё пару годочков протянем, а может и завтра на поклон к Всевышнему. Главное – они улыбаются, живут, а как – не наше уже и дело...

– Выходит так... Я всё свою бабушку вспоминаю. Она тоже всё на молодых говорила, что, мол, не та молодёжь пошла, без выдумки. Ох, постарела я...

- Да и я не первый парень на деревне.

Они впервые за долгое время позволили своим сердцам засмеяться по-детски звонко и искренне. А прохожие видели лишь судорожные подергивания уголков губ старушки в белом пуховом платке и слышали хрип старика в сером потрёпанном костюме.

ЕЛЕНА ГАЙДОМОВИЧ

БАСТИЛИЯ

Недавно я стал студентом и получил комнату в общежитии. Наше общежитие №2 в народе называют «Бастилия». При уборке помещения я обнаружил этот интереснейший документ, который привожу ниже полностью, без сокращений и правок.

Письмо

Ваше Королевское Величество!

К милости Вашей припадает узник Бастилии. Обращаюсь к Вам с нижайшей просьбой: сократите срок моего пребывания, ибо нет моих сил человеческих терпеть это. Прошу у Вашего Величества прощения, что не обращаюсь по-французски, боюсь оскорбить незнанием хитроумной грамматики. Только крайняя необходимость побудила меня к этому посланию. Обязуюсь к концу пятилетки разобраться в употреблении *conditionnel présent, passé immédiat*, а также других времён французских глаголов, безусловно, вы зубрить и сами глаголы и, наконец, изложить свою просьбу на языке Вольтера и Рабле.

Крайняя перенаселённость темницы вызывает тревогу не только у меня, честного узника, но и у Администрации сего заведения. Несмотря на то, что Мудрый Архитектор (говорят, что он лишился разума

сразу после возведения данного здания и был отправлен в соответствующее лечебное учреждение) предусмотрел аж тринадцать этажей, рассчитанных не только на три привычных, но и на четвёртое измерение, все: третий, шестой, девятый и двенадцатый этажи – густо заселены, а другие этажи – отсутствуют по дальновидной задумке Мудрого Архитектора. Как Вы заметили, все номера этажей кратны магической цифре три, кроме того, числа 9 и 12 сами по себе имеют сакральный смысл, что доказали ещё пифагорейцы. Жить в таких гнетуще магических условиях невозможно. Разум бунтуется от одной только мысли, что соседними с твоей камерой (находящейся в начале) могут быть камеры из противоположного конца и с противоположной стороны того самого коридора.

Кроме того, несмотря на густую заселённость простыми узниками, в Бастилии обитают вечно голодные и алчные несанкционированные жильцы: тараканы рыжей и белой масти, коты всевозможных мастей, обыкновенные *Mus musculus*. Они лишают бедных узников и без того скудного их питания. Вот накануне был случай: только получил один из узников от добрейших родственников своих колечко первосортной вкуснейшей французской колбаски и вывесил её за форточку, дабы насладиться позже, как был ограблен наглым Рыжим Котом. Грабитель добычу унёс в камеру своего хозяина, соседа нашего узника, где и был застигнут с поличным. Сосед оказался человеком честным и истинным дворянином и вернул остатки колбасы.

Mus musculus создают честным узникам ещё более проблем. По природе своей, они чрезвычайно домовиты и плодовиты, поэтому их гнёзда часто находят в матрацах бедных узников или в ботинках прошлого сезона. Иногда в гнёздах оказываются детёныши, что ставит нашего узника перед экзистенциальным выбором: сожрать их самому или покормить всё того же Рыжего Кота. А как известно, неразрешимые вопросы могут приводить личность к фрустрации, что, безусловно, отягощает и без того бедственное положение узников.

А недавно у меня под кроватью поселилась Росомаха из Массачусетса, чему я, надо сказать, несколько не удивился. Поначалу, мне было трудно находить язык с Росомахой, по причине незнания английского. Однако когда был открыт холодильник и извлечена банка килек в томате, начался диалог культур. Росомаха оказался «своим парнем» и после пятой рюмки чая, вприкуску с кильками, уже отлично «шпрыхал» по-нашему. От него я, кстати, узнал, что кильки по-ихнему «анчоусы». О цели же своего визита гость так меня и не уведомил, сообщив, что поселится на продолжительный срок. Мы заключили с ним договор аренды помещения под моей кроватью сроком в одну жизнь. Условиями соглашения остались довольны обе стороны: я обязался не раскрывать инкогнито гостя, а Росомаха из Массачусетса – не мешать моим свиданиям с особами женского пола, кои иногда заглядывают в мою скромную темницу, исключительно с целью повышения общего интеллектуального уровня.

Злые языки говорят, что якобы тюрьму нашу Бастилию снесли ещё в 1789 году, и на месте её организовали танцы. Дескать, даже праздник утвердили *L'anniversaire de la prise de la Bastille* или *Le Quatorze Juillet*. Смею Вас уверить, что если танцы и организуются, то исключительно внутри Бастилии, но никак не на её месте. Происходит это обычно в коридоре между блоками с камерами по большим праздникам, гордо называемым «фойе». Из наиболее активных узников (и узниц) организуется инициативная группа, которая создаёт условия для танцев. Всё делается сугубо с разрешения Администрации Учреждения и носит крайне пристойный характер. Однако, некоторые обитатели Бастилии неприлично напиваются втихую и совершают в состоянии глубокого алкогольного опьянения странные поступки. Так на праздновании Дня Узника маркиз де Сад нецензурно выражался, за что был выдворен из Бастилии решением Совета Узников. Впоследствии приезжала Мать маркиза и слёзно просила Администрацию вернуть сыночка обратно по причине бедственного материального положения семьи, но Администрация в лице хоть и страдающего лишним весом, но всё-таки справедливого Коменданта сей благородной женщине отказала. Кстати, несмотря на предлагаемую бочку прекрасного бургундского вина из собственных виноградников семейства де Садов.

Вчера же произошло событие, собственно, побудившее меня написать вам сие послание. В мою камеру подселили ещё двоих узников (а это всё из-за проклятой перенаселённости). Дворяне эти в высшей степени благородные и достойные, но их «эпюра восходящего момента» никак не хотела вписываться в мою космогоническую картину мира, отчего мы и повздорили. Так же не вписался в пространство камеры кульман. Разумеется, последовала дуэль: двое против двух. Мы с Росомахой из Массачусетса дрались отчаянно. Росомаха даже отправил одного из обидчиков вниз головой по лестнице из четвёртого измерения в третье, однако, вскоре фортуна отвернулась от нас...

И вот сейчас обращаюсь к Вам, Ваше Величество, с нижайшей просьбой сократить мне срок или, если просьба моя столь дерзка, хотя бы перевести меня в какую-либо другую тюрьму.

Шлю нижайший поклон супруге Вашей Марии Антуанетте (урождённой Марии Антонии Йозефе Иоганне Габсбургско-Лотарингской), а также вашим августейшим деткам (запомнил их количество). Храни Вас Провидение от Революций и прочих неурядиц.

Преданный Вам узник тюрьмы Бастилия.

ДМИТРИЙ ЛАБОВКИН

ОНА

«Проходящие реже начали мелькать, улица становилась тише; красавица оглянулась, и ему показалось, как будто легкая улыбка сверкнула на губах ее. Он весь задрожал и не верил своим глазам. Нет, это фонарь обманчивым светом своим выразил на лице ее подобие улыбки; нет, это собственные мечты смеются над ним. Но дыхание занялось в его груди, все в нем обратилось в неопределенный трепет, все чувства его горели, и все перед ним окунулось каким-то туманом».

Н.В. Гоголь, «Невский проспект»

Я видел Её всего раз. К тому моменту у меня уже давно не было серьёзных отношений с женщинами. Если честно, тогда я вообще думал, что навсегда утратил способность любить и даже влюбляться. Я имел удовольствие смотреть на Неё в течение десяти секунд, но успел отчётливо запомнить лицо, фигуру, походку... Она была на высоких каблуках, которые ещё больше стройнили без того идеальные ноги, а короткое обтягивающее платье подчёркивало тоненькую талию. У Неё были прямые русые волосы, обрамляющие лицо, которое благодаря слегка пухленьким щёчкам по форме напоминало сердце. Меня буквально заворожили Её пухленькие губки, маленький слегка вздёрнутый носик, высокие скулы и главное – глаза... Её глаза... Большие голубые глаза, в которых, разминувшись с Ней, я увидел своё отражение. «Да таких сколько угодно», – скажете вы. Но Она была прекрасна. Воистину прекрасна.

За эти десять секунд я почувствовал, что мои ноги стали ватными, к голове притекла кровь, а по телу прокатилась лёгкая дрожь. Со мной не случалось такого с тех пор, как я был школьником. Я стоял посреди улицы, смотрел вслед этой девушке и пытался уловить утончённо сладкий, быстро рассеивающийся аромат парфюма. Тогда у меня не было и мысли последовать за Ней. Она прошла мимо и даже не взглянула на меня, а выражение Её лица оставалось непроницаемым, словно это была высеченная из гранита статуя, запечатлевшая вселенскую красоту. Я отдышался и пошёл дальше.

Забыв обо всех делах, в тот день я долго гулял по городу и всё время думал о Ней. Я влюбился с первого взгляда. В каждой девушке из тех, кого я видел на улице, я пытался найти хоть каплю Её великолепия, но, наверное, это было самым глупым начинанием, которое можно себе вообразить. На город опускались сумерки, а я всё бродил и бродил, подгоняемый охватившей меня эйфорией, не желая отпускать это чувство. Решив, наконец, что пора идти домой, я свернул на ту улицу, где пару часов назад встретил Её. Я шёл и видел вытатуированный в моём сознании образ той девушки. Я думал о том, что всё в Ней, до последней мелочи совпадает с моими представлениями о женской красоте: отрешённое выражение лица с лёгким оттенком надменности, идеальная осанка и чёткая, уверенная походка, выдававшие спокойствие и, возможно, немного меланхоличность, плавные изгибы тела, небольшая, но красивая, упругая грудь, и эти бёдра, словно вытянутые книзу бочонки... А ещё я думал о том, что испытывают другие мужчины при виде Её. Мысль о том, что кто-то может оставаться равнодушным, казалась мне фантастикой.

Я не заметил, как, сам того не желая, догнал шедшую впереди меня девушку. Я просто отметил красоту её фигуры и уже хотел свернуть на другую улицу, но... Такие изящные линии, несомненно, притягивают взгляд любого мужчины, и я не был исключением. То ли совершенство её фигуры, волновавшее моё воображение, то ли что-то ещё, неведомое мне, заставило меня замедлиться и неторопливо следовать за ней. Но чем дольше я смотрел на неё, тем сильнее убеждался только в одном... Это была Она. Я не видел лица этой девушки, но простирающийся аромат парфюма, её платье, туфли, волосы – словом, всё говорило лишь о том, что судьба сжалилась надо мной и предоставила ещё одну возможность увидеть Её. Это было невероятно. Я понимал, что обязательно должен подойти и что-то сказать. Но стоило мне подумать об этом, как моё сердце норовило выпрыгнуть из груди, в глазах темнело, и я переставал чувствовать свои конечности. Я шёл за Ней и уже не понимал, где нахожусь. Всё вокруг деформировалось и сливалось: люди, дома, фонари, машины, – словно ребёнок нечаянно разлил воду на свой акварельный рисунок. И всё-таки женский силуэт чётко вырисовывался передо мной. Будто маяк, Она вела меня сквозь этот хаос.

Через несколько минут я немного успокоился, но подойти всё же не решался. Я думал даже не о том, что я скажу, а скорей о том, как поведёт себя Она, скажи я хоть что-нибудь. Допустим, я подойду и просто поздороваюсь. Тогда Её каменно-спокойное лицо просияет улыбкой, и Она тоже мило произнесёт: «Здравствуйте. Мы знакомы?» Нет, такого быть не может. Ведь я для Ней лишь один из многих. Сколько ещё парней пытались познакомиться с Ней до меня? Десятки? Сотни? Сколько слышала Она комплиментов в свой адрес? Тысячи? Да будет здорово, если Она просто повернётся и посмотрит на меня. Однако я был уверен в невозможности того, что человек может испытывать такое эмоциональное потрясение впустую. Ведь эти чувства наверняка служат источником сильного потока энергии. А если энергия высвобождается, то она должна куда-то деваться. Может, она ищет того, кто испытывает её нехватку и передаётся ему? Или, подобно джинну, находит того, кто высвобождает её из заточения? Так или иначе, мне хотелось верить, что энергия, которой сегодня фонтанировала моя душа, передалась именно Той, что сейчас идёт впереди меня. Я долго шёл за Ней и не верил в то, что со мной происходит. Я восторгался этой девушкой каждое мгновение, но вместе с тем думал о том, стоит ли мне себя выдавать. Вернее, стою ли я того, чтобы потревожить Её новостью о своём существовании. И всё же я решил познакомиться. Я ни в коем случае не стремился узнать, что Она за человек и чем живёт, ведь я и так готов был на всё, лишь бы удостоиться хоть одного Её взгляда. Но вдруг, взглянув на меня, Она поймёт, что и я не совсем уж омерзитель.

Наверное, благодаря особенности своего разума (если так можно назвать мою способность долго обдумывать варианты решения проблемы и всегда выбирать самый глупый из них), как только я определился с тем, что мне необходимо поговорить с этой девушкой, я почему-то стал думать о положительном исходе своего замысла, а моё воображение в ту же секунду нарисовало события, которые должны произойти в далёком будущем. И, конечно же, эти события касались только нас – Её и меня. Постепенно Она влюбилась в меня так же сильно. Мы получали удовольствие просто оттого, что находимся наедине друг с другом, а физическая близость, случившаяся только спустя год наших отношений, явилась скорее результатом нашего невероятного желания всецело принадлежать друг другу, чем следствием нашей пылающей страсти. Мы никогда не спрашивали друг у друга о прошлом – нам было всё равно. Мы вообще не много разговаривали. Казалось, мы знаем друг о друге всё. Молчание, которое могло продолжаться часами, не доставляло нам чувства неловкости, но придавало нашим свиданиям волшебную, слегка меланхоличную атмосферу, которая в сочетании со звуком дождя или голосом Джима Моррисона иной раз заставляла нас плакать от счастья. Спустя несколько лет мы поженились. Я приходил домой, а меня встречала Она... Можете в это поверить? Она! С порога меня обдавал аромат приготовленного Ею ужина, а через секунду – тепло Её объятий и поцелуев. А еще через год у нас родился ребёнок...

И вот я уже почти догнал Её. В тот момент я готов был отдать всё, абсолютно всё, лишь бы хоть сотая часть того, что я себе вообразил, сбылась. Стук сердца отдавался у меня в ушах и заглушал городской шум. Мне было тяжело дышать. И всё же я нашёл в себе силы сделать ещё несколько быстрых шагов и поравняться с Ней. Теперь между нами не было и десяти сантиметров. Она находилась справа от меня. Тогда я повернул голову в Её сторону, и тут случилось страшное. Я увидел лицо этой девушки: это была не Она. Сейчас-то я понимаю, что эта незнакомка была вовсе не дурна собой, но тогда она показалась мне совершенной уродиной. У меня было ощущение, что какой-то художник-авангардист изобразил мою возлюбленную, донельзя исказив прекрасное лицо.

Я шёл, смотрел на неё и вновь не мог поверить в происходящее. В конце концов, она остановилась и спросила: «Молодой человек, вы что-то хотели?» Но у меня пропал дар речи. Я просто уставился на эту девушку, без толку пытаясь разглядеть в ней хоть какие-то Её черты. «Что с вами, молодой человек? Что-то не так?» – спрашивала она, но я не отвечал. Наконец она поняла, что не дожждётся от меня ни слова, и зашагала прочь.

Я снова смотрел ей вслед. В тот момент меня стало одолевать чувство ненависти к этой девушке. Ведь у меня в голове было чёткое представление о том, как выглядит та, что является смыслом моей жизни, а это отродие посмело притвориться им и осквернить его.

Я опять пошёл за ней. Я снова вдыхал запах её парфюма, но теперь это был не лёгкий сладкий аромат, но приторный дух, проникающий прямо в мозг и въедающийся в самое нутро. Даже её фигура казалась мне сейчас невероятно далёкой от идеала: сутулая осанка и почти полное отсутствие изгибов соблазнительного женского тела. Всю дорогу у меня в голове крутились какие-то мысли, но я не мог и не могу выразить ни одну из них. Вернее, это были даже не мысли, а какие-то импульсы, всё время перебивающие друг друга. Мне казалось, я схожу с ума. Я забыл обо всём на свете и ощущал лишь угнетающее отвращение по отношению к этой девушке.

Через некоторое время она свернула во двор. Я снова последовал за ней, и тут меня настигло прояснение в мыслях. Меня словно озарило. Это было настоящим откровением, благодаря которому я тут же понял, как я должен поступить...

«Какое право она имеет жить на этом свете, если даже на тысячную долю она не похожа на ту, что является воплощением красоты на земле?» – именно это было моей последней мыслью перед тем, как я снова догнал эту девушку, обхватил её шею руками и сжимал их до тех пор, пока она не перестала дышать.

MARIA POUTROVA, SVETLANA ZYLL

LOVE, HURT AND FORGIVENESS

(Soap opera parable)

Love is the most important thing in life. To live is to love, who can argue that? It is common knowledge already that everything grows with love. But what helps the growth? Flowers need water, babies want milk. And love? What are its major needs so as to grow and flourish?

‘Dear granny, you’ve always been so helpful! Can you explain us now, what helps love to grow? Especially in painful situations when your love gives you hurts you don’t deserve.’

The granny looked for a while at her two pretty blue-eyed ‘little girls’ of about twenty and related the below story.

“A rich man is always an attraction to women. So was the one I am going to talk about. He was very rich and young and bright. But he didn’t keep people at bay with his richness and brightness. His bright eyes were soft and seemed to invite people, his lips were often smiling. He appreciated good jokes and puns and seemed to see the true worth of people who surrounded him. As anyone else he dreamed of love and good family and was only happy when once he got acquainted, with a young girl who seemed to fit the image of his dream wife. She was tall and slender, with dark blue eyes sparkling with joy and kindness. Her father was just a baker, a commoner, but the young man was wise enough to be looking not for riches but for a good girl when contemplating a good family.

And they were a good family. A very good and happy family. They were rich, their house was one of the best in their neighbourhood. And very soon they had a nice little daughter as blue-eyed as her mother and as bright and smiley as her father. The young woman turned out to be a very devoted mother and wife and good to people around her.

Everybody admired her. People especially approved of the highly moralised principles she followed in all walks of her life.

Everything went on very well when suddenly a most disastrous road accident took away her little daughter. Mum and dad were in distress. Suddenly they realized that their happiness had been a unity of three components and the one missing was certainly the most essential to both of them.

The young woman was crashed. Everyone felt pity for her, who used to be so righteous and full of life, and then changed so dramatically. Her distress became even greater when the doctors announced she couldn’t have any more kids. To her life lost its meaning completely. Her husband was deeply shattered too. But his go – getting nature was pushing him to look for some way out. And he came to the decision to adopt a child. He thought it would be difficult to talk his wife into the undertaking, but it wasn’t. She gladly accepted the plan and started putting it into action immediately. Her first move was to adopt a girl of her gone daughter’s age but she couldn’t find any. More over it turned out to be enormously hard to find a kid to take into a family. All kids seemed to have their parents! She was beginning to panic when her husband brought a small add saying that a month old baby was looking for kind-hearted people to adopt him for his parents had been killed in an accident. The woman had an instant sympathy for the poor kid and felt she must have him as her son.

No sooner had she said ‘Yes’ to the ad’s proposal than her husband settled all formalities and they had a tiny creature as a legitimate member of their family who immediately demanded all her time and she readily invested herself into the thorny but rewarding process of rearing a child. The boy turned out to be very responsive and as smiley and bright as her gone daughter. Miraculously the boy obviously took very much after her husband, especially in the manner of looking, narrowing his eyes and protruding his lips. Even his nose seemed very much the same as his father’s. No wonder, she thought, for her husband spent so much time with the boy and enjoyed sharing in all his activities. Being together makes people look the same, she thought.

Very soon the family was as happy and radiant with joy as before and everybody admired their unity and the way they came back to life again and especially their bright and smiley boy. Of course, sometimes he had naughty intervals in his mood but his loving and righteous mother could cope with them effectively and taught him good manners and respectful attitude to people around him.

No wonder that everybody liked the boy and the family but some grew envious. And once when the happy family was talking over the plans for a holiday after their son's successful exams at school she got a letter in which an unknown woman was claiming she was the mother of her boy and that she had made a terrible mistake to agree to give the boy to his father for a good sum of money. She was young and silly then, but now she had recovered and wanted to have her child but not his father back.

The woman was shaken with the news. Her husband quickly settled the matter with the 'recovered' mother though it cost him quite a good sum of money, but the family spirit and relations with his wife were not as easy to remedy.

Of course, he asked his wife for forgiveness and she being so righteous and moralised forgave him in words as the Great Book said she should. Deep in her heart, however, the wife could not forgive her husband for bringing shame to their family. Whenever she thought about him her feelings towards him were bitter and hard. She despised him as if he were a common philander. Against her will she hated him for betraying her after she had been so loving and faithful wife to him.

She turned out only to pretend to forgive her husband as if to punish him with her righteous mercy.

But her imitation of forgiveness didn't work well in heaven. So each time the woman would feel her secret hate towards her husband, a tiny drop of some poisonous liquid, hardly the side of a poppy seed, fell into her heart. Each time a poppy seed fell, the woman would feel a stab of pain. So the more she hated, the more poisonous seeds would drop into her heart and the more pain she would feel.

The drops multiplied. And soon the woman's heart grew very heavy with the weight of them, so heavy that the top half of her body bent forward so far that the tall and once slender woman had to strain her neck upward so as to see straight ahead. Weary with hurt, she began to wish she were dead.

One of her women servants noticed the changes happening in her and she guessed the reason. And she dared to talk to her mistress, saying that there was a remedy, just only one, for the hurt of a wounded heart. She said that the woman would need magic forgiving eyes. She said that the eyes would help her to look back to the beginning of her hurt and see her husband not as the one who betrayed her, but as a weak person who needed her and the family. Only a new way of looking at things through the magic eyes of forgiveness could heal the hurt coming from the wounds of yesterday.

The woman protested, thinking that nothing could change the past, for she knew that her husband was guilty, a fact that not even magic eyes could change.

'Yes, poor hurting lady, you are right', the kind servant said. 'You cannot change the past you can only heal the hurt that comes to you from the past. And you can only heal it with the help of magic and forgiving eyes.'

'And how can I get your magic and forgiving eyes?' whispered the woman.

'You only pray for them, desiring very much as you pray, and they will be given to you. And each time you see your man through your new eyes one poisonous drop will be gone from your aching heart.'

It took the woman quite a while to collect herself together and start asking for the magic eyes of forgiveness. But the pain of her heart grew so strong that it finally drove her to want and ask for the magic eyes that her favourite servant had promised. So she asked, and asked, and kept asking. And was given.

Soon her husband began to change in her vision, wonderfully and mysteriously. She began to see him as a needy person who loved her instead of as a wicked man who had betrayed her.

And finally all poisonous drops were gone from the woman's heart, one by one, though it took a long time for them to leave her heart. She gradually felt her heart grow lighter and lighter, she began to walk straight again and started to look as slender and attractive as before. She managed to look at her husband through forgiving eyes and invite him to come into her heart again. And he came, and together they began again a journey into another season of their happy family life. Their love didn't vanish but continued to grow and strengthen itself."

The granny was silent for a while and then asked her two granddaughters if they could see what helped love to grow in painful situations. They said they could.

'That's nice,' uttered the granny. And added as if to herself that 'sorry' and 'forgive' seem to be the most difficult words to say especially when your love gives you hurts you don't deserve. But they are the only words which can remove pain and make your eyes magic and forgiving.

АЛЕКСАНДР ГУГНИН

СТИХИ И ПРОЗА СЕРГЕЯ МАЛОЛЕТКИНА*

Сергей Малолеткин заявил о себе в 1992 году сборником «Полюнья», изданным «на средства автора» в Полоцке тиражом в 500 экземпляров. В Полоцке и Новополоцке есть несколько стойких почитателей его таланта, но число их, кажется, всё же маловато по отношению к качеству его стихов и прозы. Случай достаточно типичный (из истории мировой литературы мы знаем, как много талантливых и даже гениальных людей умирали в бедности и безвестности или даже оканчивали свою жизнь самоубийством), а в эпоху постмодернизма вообще чему-либо смешно удивляться – ведь не удивляемся же мы, когда какая-нибудь бездарность изо дня в день «ублажает» нас по телевизору? И всё же подобные случаи всегда любопытны для профессионального литературоведа. Они должны хотя бы изредка заставлять его покидать уютную классику, где время всех уже давно расставило по своим местам и рангам, и ступать на «минное поле» современности, где собственно и проверяется по-настоящему художественный вкус и профессионализм и где нельзя укрыться за уютной, но пахнущей плесенью ширмой учёности.

Сергей Евгеньевич Малолеткин родился 28 октября 1961 года в Орше и до 15 лет ходил и бегал по тем же или почти по тем же улицам, где ходил и бегал Владимир Короткевич (1930–1984) – факт, о котором сам Малолеткин упоминает с особой интонацией, с каким-то мистическим подтекстом. Но в отличие от своего знаменитого земляка Малолеткин, родившийся и проживший всю жизнь в Беларуси, пишет свои стихи и рассказы на русском языке – парадокс (или преимущество?) официально признанного двуязычия в Беларуси. В анналах истории когда-нибудь найдёт отражение тот факт, что из всех бывших республик СССР Беларусь оказалась самой гуманной по отношению к русским (или русскоязычным) людям. И всё же естественный в современных условиях рост национального самосознания приводит к тому, что некоторые поэты и прозаики, многие годы писавшие по-русски, вдруг вспоминают, что у них есть другой – не менее родной язык – белорусский, и начинают публиковать произведения на белорусском языке, которые зачастую оказываются интереснее и даже талантливее их русскоязычных опусов. Но в данном случае речь не об этом. Дело скорее в том, что в современных условиях писатель, продолжающий в Беларуси или на Украине создавать свои произведения на русском языке, оказывается в довольно непростой (пограничной) ситуации, ибо сам язык настойчиво требует если даже и не строго национальной, то духовно-культурной идентичности. Но и эту важную тему я в данной статье больше не затрагиваю, моя задача здесь гораздо скромнее: попытаться хотя бы в первом приближении рассказать о полюбившихся мне текстах Сергея Малолеткина.

Но сначала еще несколько фактов из его житейской биографии. В 1976–1980 годах он обучался в Витебском электротехникуме связи, там же написал первые стихи (не сохранились), там же в 18 лет женился. О финале этого брака лаконично рассказано в новелле «Папа, я уезжаю...». Дочь Юля и в самом деле с весны 1988 года живет в США. После службы в Советской Армии (ракетные войска стратегического назначения) Малолеткин с 1982 года жил в Новополоцке, перепробовав «десяток три профессий, как и положено нормальному писателю» (дословно цитирую самого Малолеткина, но не буду пока утомлять перечислением всех профессий). Упомяну лишь, что он некоторое время возглавлял Бельский линейно-технический участок (телефонные сети), около года работал в ПГУ мастером на учебном телевидении и несколько лет пытался утвердиться как издатель**. «Когда – по разным причинам – не удалось перерегистрировать лицензию, решил, что буду писать сам». Для начала Малолеткин попробовал, может ли он войти в современную массовую литературу – написал роман и повесть, которые были опубликованы в Москве*** «Продолжать все это дальше было уже неинтересно...» В 1992 г. – уже во втором браке – родился сын Тимофей, и когда через пару лет его отец решил стать профессиональным писателем (не литератором, а именно писателем), то, естественно, его жизнь приобрела подлинно драматический размах. Ибо массовым потребностям современного общества соответствуют не столько писатели, сколько журналисты, полемисты, публицисты, литераторы, идеологи, комментаторы... При условии, конечно, что и они не будут заплывать слишком глубоко, – глубокий мыслительный уровень публицистики А. Солженицына и В. Распутина оказался всё же слишком

* Статья является расширенным текстом предисловия к книге: *Малолеткин С.* Когда мы были глупыми. Стихотворения и рассказы. – Эксклюзивное издание (на правах рукописи, тираж 25 экземпляров). – Новополоцк, 2001. – 140 с.

** Упомяну лишь два весьма любопытных (и качественно подготовленных) издания: Деловой справочник 96. Каталог фирм и предприятий городов Полоцка и Новополоцка. Издатель Сергей Малолеткин. Новополоцк, 1996; Край. Літаратурна-мастацкі альманах. Выдавец Сяргей Малалеткін. Наваполацк, 1996. По достигнутому литературному уровню этот альманах, на мой взгляд, – один из лучших региональных альманахов Беларуси.

*** СОЛО ДЛЯ «КАЛАША». ПОВЕСТЬ. М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1998; КУРАРЕ – ЯД МЕСТИ. РОМАН. – М.: ЭКСМО-ПРЕСС, 1999.

«неподъёмным» для массового потребления. Но внутренняя, драматическая, сторона – неотъемлемая часть жизни каждой творческой личности, «удобрение» для её роста и совершенствования, просто духовное «удобрение» несколько отличается от огородного. Но на этом я пока обрываю экскурс в биографию писателя. Время создания мифов очевидно ещё не пришло. Да и скупая, почти стыдливая, сдержанность, с которой он сам обычно говорит о себе, не очень располагает к дотошному описанию перипетий его жизни. Главное в его жизни – это писательство. В любом разговоре он с обезоруживающей деликатностью подчеркивает, что он писатель-профессионал. На Западе писателями-профессионалами считаются те, кто живёт на литературный заработок. Таких очень немного. В Беларуси и в России большинство писателей совмещают с писательским трудом какую-нибудь работу или службу – на одни гонорары не проживёшь, даже если тебя регулярно печатают. А если нет?

Сергей Малолеткин – аскет, философ-отшельник. Но и аскетизм, и любомудрие, и отшельничество для него не самоцель и не поза – сама его жизнь и профессия заставили его отступить на эти позиции, с которых, уже, кажется, дальше некуда ни отступать, ни наступать. Это балансирование на грани отчаяния и надежды пронизывает всю книгу, и если бы не было Малолеткина-писателя, которого данный ему свыше дар заставляет изо дня в день садиться за стол и искать слова для изображения и выражения открывшихся ему истин, то Малолеткин-человек (но это лишь моя гипотеза) сам себе был бы малоинтересен. Совсем не случайно в его книге дважды упоминается Иосиф Бродский, который неоднократно говорил (и особенно подчеркнул в своей Нобелевской лекции), что погружение в слово, в стихию языка может увести писателя значительно дальше, чем он предполагает, чем он сам от себя ожидает. Но при этом Сергей Малолеткин вряд ли может сказать о себе словами великого Пушкина, что «пальцы просятся к перу, перо к бумаге, минута – и стихи свободно потекут». К концу XX века подобного о себе, кажется, уже ни один настоящий поэт сказать не может. Стихи и сегодня у многих «текут» довольно легко, но – увь! – за редчайшими исключениями эти стихи весьма банальные.

Слово и понятие «банальность» очень хорошо подходит для начала разговора о поэзии и прозе Сергея Малолеткина. И поскольку сами его произведения полны парадоксов, то и мне хочется начать с парадокса: сказать сначала о том, чего читатель *не найдёт* в этой книге. Эта книга абсолютно, начисто лишена банальности, она здесь присутствует лишь в качестве постоянного фона, пространства, магнита, к которому душа писателя повернута отталкивающей стороной. Даже если его лирический герой, устав от одиночества, пытается сделать сознательное усилие, чтобы слиться с морем банальности, это ему не удаётся, ибо магнит его души с тем большей силой выталкивает его затем из этого моря. Проблема одиночества настоящего художника в мире обыденной жизни и в море банальности не нова для мировой литературы, по крайней мере, с эпохи романтизма (Шатобриан, Байрон, Лермонтов), и в XX веке её подхватили очень многие – вспомним хотя бы Томаса Манна («Тонио Крёгер»), Германа Гессе («Степной волк»), Андрея Платонова. Но если в XIX веке трагедия одиночества, как правило, разыгрывалась на уровне душевной жизни, в сфере чувств, то крупнейшие писатели XX века перевели проблему одиночества художника в сферу духа. Они в принципе разрешили её (Т.С. Элиот, Г. Бенн), назвав поэта «последним остатком от человека, который ещё верит в абсолютное и живёт в нём» (Г. Бенн). Вся книга Сергея Малолеткина – осознанно или неосознанно – вписывается в эту великую традицию, продолжает ее *на своем языке*. Поясню это на примере стихотворных миниатюр.

Влюбился в стену лоб,
И содрогнулся кто-то третий
В предчувствии истории печальной,
Чем повесть о Ромео и Джульетте.
(Трагедия)

Эта миниатюра сразу позволяет обозначить некоторые характерные качества поэзии и прозы нашего автора: лаконизм, афористичность, парадоксальность ракурса изображения, интеллектуальный лиризм с символической и философской подкладкой. Согласно Шекспиру, любовь Ромео и Джульетты ничем бы не омрачилась, если бы не враждовали между собой семейства Монтекки и Капулетти. Ренессансная вера в безграничные возможности человека, характерная для Шекспира на раннем этапе творчества, заставила его даже примирить оба враждовавших семейства на могиле безвинно погибших детей. Великий немецкий писатель Генрих фон Клейст в полемике с ренессансным и просветительским оптимизмом в XIX веке переписывает эту трагедию заново. Его «Семейство Шроффенштейн» настолько пропитано духом феодальной имущественной вражды, что эта вражда разъедает и самих влюбленных, они не могут полностью оторваться от

своих кланов, и в их душах идет постоянная борьба между просветляющей любовью и разъедающей клановой подозрительностью. И даже сама смерть не только не примиряет вражду, но придает ей еще и новый размах. В этой трагедии Клейст уже скорее реалист, чем романтик, и в большей степени представитель XXI века. XIX век (да и XX тоже) ещё во многом прошел в надеждах на возможность социальных преобразований общества и достижения этической справедливости (и сам Клейст тоже постоянно думал об этом). Малолеткин же переворачивает всю ситуацию в совершенно иную, практически никак не разрешимую плоскость. «Влюбился в стену лоб» – этим уже фактически всё сказано, остальные три строки лишь растолковывают тему, вводят её в историко-культурный и философский контекст. В то же время весьма неприятное, на первый взгляд, четверостишие удивительно вписывается в современный контекст. Оно может быть поставлено эпитафией к духовным исканиям, общественно-политическим и философским зигзагам XX века, *фактически* подтвердившего, что неразрешимые ситуации существуют, а всякие оптимистические прогнозы (без которых, однако, до сих пор не может существовать мировая политика) с ходом времени неизбежно разоблачают себя как очередные обманы и самообманы. Наш автор не хочет обманывать ни себя, ни других (написал и невольно вспомнил классическое «Ах, обмануть меня не трудно! Я сам обманываться рад!») и потому, может быть, пишет следующую миниатюру:

Я сказал! – А я сказала!!
Скрестились копы, засочилась кровь...
Мы разошлись, а поле брани
Собой прикрыла бездыханная любовь.

Это четверостишие, на первый взгляд ещё проще – миллионы людей испытывают подобное в своей обыденной жизни. Но вторая и третья строки почти незаметно выводят проблему из сферы чисто интимных и семейных отношений на уровень общественный, социальный и политический, ибо амбиции есть амбиции и их механизм действует практически на всех уровнях, только на других уровнях крови проливается ещё больше. Четвертая строка объединяет все возможные уровни, одновременно переводя мысль в философско-экзистенциальную плоскость, заставляя задуматься о сущности всего человеческого бытия.

Поиски этой сущности являются, пожалуй, главным лейтмотивом всего творчества. И здесь нашему автору есть что сказать. Мало в каких книгах я встречал столь явственное запечатление непримиримой противоположности животного, физического бытия человека с его духовным бытием. Сергей Малолеткин удивительно лаконично показывает, что путь к духовному бытию неизбежно воплощает древнюю формулу, подхваченную Гете: «Умри и возродись!» («Stirb und werde!>). Поскольку мотив духовного перерождения является в книге важнейшим, то попытаюсь обозначить его чуть подробнее. Автор с потрясающей убедительностью доказывает, что путь духовного перерождения – увы! не прост, он неизбежно связан с потерями, лишениями, самоограничениями и аскезами, с утратами очень близких людей, утратами, могущими привести к абсолютному одиночеству и изоляции. Кто же этого всего захочет? Да пропади она пропадом, эта ваша духовность, – может сказать иной читатель и будет по-своему прав. Духовность не нужна никому, кроме самого, данного и конкретного, человека. К ней нельзя прийти ни группой, ни коллективом, ни толпой. Каждому отпущена своя мера страданий и испытаний, боли и скорби, чтобы почувствовать её спасительное утешение и пойти за ним. Но даётся это утешение далеко не всем подряд. Не случайно разбойник Варавва оказался гораздо ближе и роднее толпе, которая при виде Иисуса Христа кричала «Распни его!» Ибо животным инстинктом толпа чувствовала, что путь духовного перерождения, который проповедовал Иисус Христос, требует мужества, выбора, отречения от себя самого прежнего (животного) в пользу самого себя нового (духовного). В книге Малолеткина есть два стихотворения, осязаемо, почти зримо передающие всю сложность этого перерождения.

Выбор

Жаль, душа моя – не плеватьница,
И разбиты уж розовые очки,
И что жизнь лишь под гору катится,
И безжалостна хватка тоски.

Так, бывает, в минуты отчаянья
Я скулю – ведь, стремясь в небеса,

Вновь меняю покой изваяния
На страдания рождения Я.

Это стихотворение более раннее, ещё с элементами риторики. А вот более позднее:

Рубикон

Я воскрес, увидев,
Как даль хороша,
Как, ломая ребра,
Растёт душа,
Как беспомощна кровь
Взбесившихся вен,
Как встают с разбитых
Судьбой колен,
Как, бредя в никуда,
Попадают домой,
Как «сдают города»
Чтоб остаться собой.
Я воскрес? – Нет.
Я просто созрел умирать.
...Стало вольно мне жить,
Стало легче дышать.

И в стихах и в прозе Малолеткина издавна или прямо, но постоянно возникает тема комфорта, комфорта духовного и физического, возможности и невозможности их объединения и слияния. Как правило, человек должен сделать выбор, предпочесть либо то, либо другое, ибо два этих комфорта крайне редко (разве что у особо счастливых и удачливых людей) уживаются вместе. В реальной жизни нельзя остаться безгрешным – даже если сохранять целомудрие внешне, то изнутри может исходить зависть и даже злоба: другие грешат и наслаждаются, а я целомудрен и страдаю. В таких случаях не спасает даже отшельничество и самая суровая аскеза. Ибо естественные (то есть данные от физической природы человека) инстинкты с огромным трудом поддаются воспитанию и укрощению. Сколько попов и монахов страдали и страдают чревоугодием и развращённостью, считая себя вправе использовать «блага» цивилизации так же, как и другие люди.

Озарения и просветления человека в сторону духовности, как я уже упоминал выше, неизбежно проходят через стадию переживаний и страданий. Но если эти переживания и страдания замыкаются только на жалости к самому себе, то никакой духовности из этого не произрастёт. Какой же щедрой и скромной должна быть душа, чтобы не озлобиться из-за своих страданий в сегодняшнем озлобленном мире! Мир, впрочем, всегда был достаточно сложен. Но написать об этом так, как Сергей Малолеткин, мог уже только поэт нашего времени:

Эпилог

Каждый достойный достоин
Вниманья оптического прицела,
Поля бессмысленных войн
Жаждают их тела.
Земля бесчисленных боен
От коры до планеты
Нуждается в их крови,
Я убеждаюсь в этом
С неотвратимостью скорого
Начала света
В конце одиночества
МОЕЙ пули.

Это стихотворение с головой выдает виртуоза-интеллектуала, каких в современной поэзии не так уж много. Из хорошо известных мне русскоязычных поэтов я могу назвать лишь Вячеслава Куприянова (род. в

1939 г.), который, к сожалению, за последние 10 лет издал больше книг в Германии, чем у себя в России. В Советском Союзе верлибр, с 1960-х годов увлекший небольшую группу талантливых поэтов, натолкнулся на мощный заслон самых популярных и вполне официальных тогда поэтов: Е. Евтушенко, Р. Рождественского, А. Вознесенского, не говоря уже о канувшем в неизвестность Е. Долматовском и иже с ним. Верлибр невозможен без накала мысли, без парадоксальных её поворотов, без отрицания банального и очевидного – всё это в те времена было нежелательно, не поощрялось, а порой и просто запрещалось. Сейчас запретов как будто нет, но зато есть ещё инерция читательских вкусов. На Западе интеллектуально-афористическое направление в поэзии развивалось гораздо интенсивнее – не случайно Иосиф Бродский так легко вписался в англо-американскую традицию (Т.С. Элиот), а Вячеслав Куприянов в немецкоязычную (Г. Кунерт, Ф. Браун, К. Микель, Х. Калау, Г.М. Энценсбергер, Э. Яндль и др.) Очень хотелось бы, чтобы Сергею Малолеткину не пришлось ждать признания с Запада для того, чтобы быть затем вторично открытым на родине.

Очень важное место в духовном поиске поэта и прозаика занимает осмысление проблемы «золотой середины»: как может (и может ли?) сочетаться «золотая середина» как жизненная позиция с поиском Истины, который ослабевает в компромиссах. На уровне высшего пилотажа эта проблема разрешается в завершающей сборник новелле «Когда мы были глупыми», название которой и вынесено на обложку книги. На примере распада одной семьи (в «перестроечных» условиях) и началом её воссоединения через несколько лет Сергей Малолеткин рисует духовную ситуацию в стране изнутри, от самых, что называется, корней. Но сама ситуация очень четко обозначена уже и в стихотворении «Золотая середина», которое, однако, слишком велико, чтобы цитировать его полностью.

Золотая середина –
Нить над пропастью,
Ты всегда к себе манила
Битых совестью.
В детстве сказки о тебе
Мне шептала мать,
Чтоб рос паинькой,
Тяжко по тебе вздыхал
Сосед пьяненький,
В поисках тебя пропал
Дальний родственник,
Пред тобой в умах иных
Даже Бог поник.
На тебя молясь,
Расшибались лбы,
Дозволялось всё –
Было в меру бы.
Я был тоже болен тобой.
Был я в меру смел,
В меру пил, в меру ел,
Любил, ненавидел – всё в меру.
Но вяли в руках цветы,
Рождались слепыми мечты,
За носом и в солнце – ни зги,
Квадратились леном мозги,
И не давал уснуть
Блеск золота «середины»...

Оказывается и «золотая середина» (после пьесы М. Горького «Мещане» и в весь советский период у нас часто клеймили её как мещанство и обывательство) может быть неоднозначной. На уровне физической ипостаси человека она может быть одной, на уровне же его духовных исканий – совсем иной. Попробую «синтезировать» то, что я вычитал по этому поводу в стихах и прозе Сергея Малолеткина. Объединяющим началом для людей служит не их эгоизм (гипертрофированное Я), а умение потеснить это своё Я ради другого человека, ради (не сугубо личного) дела, ради коллектива, общества, ради страны и человечества. Личность в своём самопонимании проходит много этапов; совсем уж примитивно-эгоистичных, живущих только своей

собственной утробой, только удовлетворением самых низменных инстинктов, хотя и не так мало, но всё-таки не так уж и много. Все-таки и самый обычный человек чем-то делится (материально и душевно) с родными, с друзьями, с коллективом. Но на этой первой, элементарной, ступени больше от инстинкта самосохранения, чем от подлинной духовности. Даже примитивному человеку трудно выдержать **одиночество**, к которому неизбежно подталкивает эгоизм и эгоцентризм. Человек же духовный не боится одиночества, хотя и не считает его идеальным состоянием. Но и коллективизм только из инстинкта самосохранения для него тоже неприемлем. В этом-то и вся дилемма духовного человека, и об этом немало писали европейские и русские интеллектуалы. Вопрос этот для человека и человечества извечен: он возник в мифические времена и неизбывен до самого конца человеческой истории. Чем меньше у человека талантов и притязаний, тем легче, кажется, достигим компромисс. Сколько великих людей, завещавших человечеству замечательные идеи, мысли и художественные создания, в личной жизни своей оставались одинокими или даже сами предпочли одиночество.

Очень многие произведения Сергея Малолеткина посвящены по существу теме одиночества и поисков выхода из него. В целом проза выделяет романтическую натуру писателя, в чём-то родственную, с одной стороны, А. Грину, К. Паустовскому и Э. Хемингуэю, Ф.С. Фицджеральду, Дж.Д. Сэлинджеру, с другой. Совершенно отчетливо и реалистически Сергей Малолеткин выписывает физическую, обыденную сторону жизни, из которой герой «выпадает» в своё одиночество (даже в «Запой» – так называется одно из стихотворений), из которого он мучительно и со срывами начинает карабкаться в романтическое пространство духа. Одно из лучших «стихотворений в прозе» так и называется «Одиночество»:

Сорок лет,
Годы ткут паутину у глаз,
И запуталось в них одиночество.
Рука ляжет на холод стекла,
Снимешь – оно прежнее,
И только туманное облачко
Медленно тает,
Пока не исчезнет совсем.
... Вот так растворишься
В бесконечности времени и ты:
Никого не согрев и не оставив следа.

Русский язык откристаллизовался в этом прекрасном стихотворении в созерцательную мудрость восточного – японского или китайского – образца. Человеческое здесь встает в двух своих нерасторжимых ипостасях, физической и духовной; мы отчётливо видим следы борьбы, боли и страданий, неизбежных во всякой полноценной человеческой жизни, но само стихотворение выводит нас на духовный уровень, утешает и согревает своим художественным совершенством.

Особого разговора заслуживает композиция книги, концептуальная продуманность её отдельных элементов, распределение света и тени, отчаяния и надежды, боли и радости, трезвой оценки всех человеческих несовершенств и «голового оптимизма» (тоже название стихотворения). Продуманность структуры привносит дополнительные смыслы, сводит вместе непримиримое, диалектически снимает на уровне художественного целого неразрешимые в самой жизни противоречия. Ибо один отдельно взятый текст, сколь бы ярким он ни был, может либо гармонизировать, либо обострить проблему. Например, даже такой:

Двуликий Янус

Ты был весёлым приятелем,
И я разучился смеяться.
Ты часто бывал в моем доме,
И его больше нет.
Ты говорил «Будь здоров!»,
И я на грани смерти.
... Так будь же ты проклят, Алкоголь!

По-моему, это один из самых сильных текстов подобной тематики во всей мировой литературе. Простота формы и здесь обманчива – кто возьмется сказать, сколько вариантов антитез и сколько синонимов перебрал

автор, пока пришёл к окончательному варианту? Но несмотря на подобные стихи книга не оставляет ощущения безысходности. Во-первых, стихотворение, открывающее книгу, и новелла, её завершающая, откровенно романтичны. И это, конечно же, сделано вполне сознательно. Более того, начальное стихотворение, на мой взгляд, художественно самое слабое во всей книге, оно тривиально и по форме и по содержанию, напоминает сотни стихов многих десятков советских поэтов-лауреатов. Но стихотворение это посвящается дочери, то есть несёт в себе не столько эстетическую, сколько сугубо интимную нагрузку, отец ориентируется на восприятие девочки-подростка, он хочет исключить любую двусмысленность, которая может проистекать из сложности – и в результате получается утопический этический идеал. Но сколько взрослых сердец ещё откликается на подобные этические утопии! Этот отчетливый утопический элемент в книге является в то же время и ощутимым связующим мостком между чувственным, незадумчивым мироощущением, более свойственным детству и юности (но – увы – сколько взрослых еще живут в этом мире примитивной чувственности) и духовной жизнью по-настоящему взрослого человека, которому не нужно утешать себя утопиями, потому что он уже хорошо знает, где и в чем можно найти подлинное утешение.

Достойна быть отмеченной и символика чисел в книге: 1, 2, 3, 5. **Один** – одиночество как основной лейтмотив и основная проблема книги; **два**: по композиции – два основных раздела книги, стихи и рассказы, по содержанию – тема любви, для которой как минимум нужны двое; **три**: композиционно – это два стихотворных раздела (по существу, два самостоятельных стихотворных сборника, «Полынья» и «Кромка», каждый из которых несёт собственную смысловую нагрузку) и раздел прозы, содержательно – это мужчина, женщина и ребёнок (как родившийся, так и не родившийся); **пять**: то же, что и три, но с прибавлением авторских предисловий к каждому стихотворному разделу, предисловий, содержательно включённых в общий замысел, столь же обманчиво непротивительных (проще, кажется, некуда!), как стихи и рассказы...

Мне безусловно хотелось бы ещё много сказать об авторе, но пока ограничиваюсь лишь *попыткой* приоткрыть завесу, показать, что за нарочитой *краткостью* выражения и житейской простотой многих формулировок скрывается настоящий, очень серьёзно работающий **писатель-профессионал** – в самом строгом смысле этого весомого для всех человеческих профессий слова.

2001–2005, Новополюцк

СЕРГЕЙ МАЛОЛЕТКИН

ТЕХНИКА ЖЕЛЕЗНОГО СЕРДЦА

– А я не знаю, что такое любовь... – Она красиво изогнулась и легла выше, подперев голову ладонью. Её шелковистая кожа матово заблестела в лучах утреннего солнца.

– Вот как? – Он вздрогнул, будто от удара. Только одна женщина в мире могла сделать ему так больно. И она знала об этом. – Да, тебе не повезло, – сказал он глухо. Библия в переводе короля Иакова едва заметно дрогнула в его руке.

– Ты так считаешь?

– Однозначно. – Он поставил книгу на место.

– А я так не считаю. Кстати, мама говорит, что в последнее время я плохо выгляжу.

– По-моему, она всегда так говорит. Ты – неотразима.

– Честно?

– Куда уж честнее... – Он пристально посмотрел на неё. В груди его стало тесно от чувства восхищения.

Она игриво закинула голову и запустила пальцы в пышную копну волос.

– Как скучно...

– Посмотри Майкла Флетли. Вчера принёс.

– Нет, это не моё. Я не понимаю его танцев.

– Жаль... – Он сел за стол, тайком посмотрел на фотографию дочери. Милый, стеснительный ребенок...

Достал из верхнего ящика карманную Библию, сунул в барсетку. – Тебе приготовить кофе?

– Приготовь.

– С сахаром?

– Без.

Кофе пили молча. Вернее говоря, молчала она, он же терпеливо ждал её слов. Ждал, что она предпримет попытку сгладить суть сделанного заявления.

– Знаешь, о чём я думаю в последнее время? – наконец заговорила она, когда кофе было допито.

– О чём?

– Только пообещай, что не обидишься на меня. – Она положила руку ему на колено, заглянула в глаза.

Он с трудом удержался, чтобы не отвести взгляд.

– Я ... Даже не знаю...

– Ну, пообещай!

– Ну, хорошо, обещаю.

– Тебе не кажется, что в наших отношениях нужно что-то менять?

– Кажется.

– Вот видишь, и ты так думаешь! – обрадовалась она, глубже запахивая халат. – Я думаю, так нам будет лучше.

– Как?

– Ты ведь знаешь, что такое гостевой брак?

– Конечно.

– Почему бы нам не попробовать?..

– Не понял...

– Ну что здесь непонятного? Мы будем приходить к друг другу в гости. Я – к тебе, ты – ко мне. Это так романтично... Закрой глаза.

– Зачем?

– Ну, закрой... Не пожалеешь.

– Хорошо... – Он закрыл глаза.

– Только не подсматривай... – Она встала с тахты, сдвинула в сторону зеркальную дверь шкафа-купе. – Это – для тебя... – Она сняла с плечиков голубой пеньюар, приложила, примеряя, к груди. – Вчера купила... Можешь смотреть...

Он открыл глаза, посмотрел на жену.

– Ну, как?

– Вполне...

– Это всё?

– Ну, красиво...

– Тебе ведь хочется увидеть меня в нём?

– Наверное... Когда?

– Когда придёшь в гости.

– Я, вообще-то, ещё никуда отсюда не переезжал.

– Но ты ведь согласен со мной?

– А как же Глеб?

– Он уже большой.

– Я думаю, теперь ему отец нужен как никогда. Трудный возраст, тебе одной не справиться.

– Но мы же будем в одном городе. Ты в любой момент сможешь связаться с ним по мобильному... – Она положила пеньюар на кресло и села ему на колени. – Ну вот, обиделся!.. – Заметив, что он отводит взгляд, разочарованно протянула она и прижалась к нему щекой. – Глупый...

– А где же буду жить я?

– Ты можешь снять квартиру... Или перебраться к родителям...

– У меня есть время подумать?

– Конечно. Я ведь тебя не гоню.

– Не знаю, как к этому отнесутся в Церкви...

– Но ведь это не развод.

– Да, я понимаю... Извини... – Он легко поднял её на руки и опустил на тахту. – Мне пора... – Он посмотрел на часы. Было начало десятого.

– Ну вот, опять ты оставляешь меня одну... – Она обиженно поджала губы.

Он замер.

– Тебя не поймёшь... – проронил растерянно. – Ну почему ты такая?

- Какая?
- Спящая красавица.
- Так разбуди.
- Пытался.
- Значит, плохо пытался.
- Нет, хорошо. Просто это не в человеческих силах – тебя будить.
- Опять ты всё усложняешь.
- Ничего я не усложняю.

Он вышел в прихожую, снял телефонную трубку, набрал номер.

- Доброе утро, Глеб. Ты готов?.. Нет?.. Почему ты сегодня не пойдёшь?.. – Он нахмурился. – А может...

Ну, хорошо, хорошо... Вечером мы тебя заберём. Пока. Будь умницей...

- Что, Глеб не идет в воскресную школу? – недовольно поинтересовалась она.
- Нет.
- Почему?
- Они идут в гости.
- Нужно было мне дать трубку.
- Зачем?
- Я бы с ним поговорила по-другому.
- Он не виноват. Вернее говоря, это не его вина.
- Это камень в огород моей мамы?
- Думай, как хочешь. – Он начал злиться – расстановка сил в их семье уже давно была известна обоим. И

она была не в его пользу.

Он взял со стола мобильный телефон и, отключив, положил обратно.

- Если кто позвонит мне по городскому, скажи, пожалуйста, что я буду как всегда.

Он вышел в прихожую, сел на банкетку, пододвинул пару строгих черных туфель.

- Только нигде не задерживайся! – донеслось из спальни.

– Постараюсь...

– Ты ничего не забыл? – бесшумно, как тень, возникла она в дверном проёме несколько мгновений спустя.

- Ах, да... Извини... – Он коротко поцеловал её в щёку.
- Будь умницей...
- Не волнуйся – я адекватен...

Он аккуратно закрыл за собою дверь и, сделав несколько шагов, вошёл в лифт. Кабина плавно заскользила вниз, с каждой секундой унося его немного ближе к островку стабильности, что ещё оставался в его жизни.

Нахоленная фигура на лавочке у подъезда сразу бросилась ему в глаза.

- Привет, Игорь... – Он первым подал руку ожидавшему его приятелю.
- Привет, Артур... – Игорь Дубцов с трудом встал на ноги. Ладонь его была влажной.
- Опять сорвался? – Артур окинул взглядом оплывшее лицо товарища.
- Три дня уже...
- Понятно. С чем ко мне?
- Ну... Сам понимаешь.
- Понимаю, что не в церковь собрался. Я ведь тебе говорил, что без Бога не устоишь – по себе знаю. – В

голосе Артура послышалась горечь.

- Нет, ты же знаешь, это не для меня.
- Жаль. Ты хотя бы к Анонимным Алкоголикам ходил, я ведь тебе давал адрес.
- Да ну их, с их чаями и разговорами!
- Ну что мне с тобой делать? Скажи.
- Ты же знаешь.
- ... Нет, только не это!
- Артур, честно, загнусь...
- Три дня запоя... – Артур наморщил лоб. – Можно и перележать...
- Ну Артур...

Дубцов, казалось, готов был расплакаться как ребенок.

– У меня с собой только десятина, не могу.

– А дома?

– Дома есть.

– Сходи, а?

– Я опаздываю. – Артур посмотрел на часы.

– Сердце станет, честно... – голос Дубцова задрожал. – Ты же знаешь, как от этого мужики мрут...

– Возвращаться – плохая примета, – пустил в ход свой последний козырь Артур.

– А ты в зеркало посмотришься.

– Фу-у-у... – Артур зажмурился. – Хорошо, жди. – Он развернулся и нырнул в подъезд.

У двери он услышал разливистый смех жены. Постоял в нерешительности, затем нажал кнопку звонка.

Дверь долго не открывали.

– А., это ты?.. – Вид у жены был настороженным.

– Деньги забыл, – сказал первое пришедшее на ум Артуру.

– В следующий раз отдал бы свою десятину.

– Нет, лучше сегодня.

Он скинул туфли, прошел в гостиную. Взял из бумажника, оставленного в баре, несколько купюр.

– Закрой за собою дверь на замок. – Она вновь взяла трубку телефона. – Это Артур, Оля.

Он закрыл глаза и потёр пальцами виски, пытаясь успокоиться. Затем вплотную подошел к жене. Та, прикрыв микрофон рукою, вопросительно посмотрела на него.

– Я люблю тебя... – тихо сказал он и ласково убрал упавшую на лоб жены прядку волос.

– Ты опоздаешь...

– Не беспокойся... – Он круто развернулся и направился к выходу.

Дубцов нервно расхаживал по асфальтированной дорожке и тихо насвистывал.

– Всё нормально? – устремился он навстречу.

– Нормально. Держи. – Артур протянул приятелю деньги. – Только смотри, вновь не запей.

– Клянусь!

– На моё сочувствие больше не рассчитывай, – на всякий случай предупредил Артур.

– Понял. Ты в какую сторону? – Глаза Дубцова лихорадочно блеснули.

– На остановку. Опаздываю.

– Тогда нам не по пути.

– Не подведу, ты меня знаешь.

– Вот в том-то и дело, что знаю...

– Ну всё, я пошёл. – Дубцов потёр руки.

– Держись. – Артур хлопнул приятеля по плечу, и они одновременно двинулись в разных направлениях.

В маршрутном такси он перевёл дыхание и попытался сосредоточиться, но неудачно. Мысли перескакивали с предмета на предмет, мимо воли увлекая его в пучину открывшейся не так давно безрадостной жизненной перспективы. «Никогда не знаешь, чего ожидать от этих женщин...» – с горечью подумал он и уставился в окно. Нарядные витрины магазинов медленно проплывали мимо, радуя глаз своей красочностью и изыском.

Он уже было совладал с собой, как боковым зрением выхватил втиснувшуюся на остановке в микроавтобус уже почти забытую массивную фигуру.

Он вжался в сиденье и в панике осмотрел салон. К его ужасу, единственное свободное место находилось рядом с ним.

«Кошмар...» – только и успел подумать он, как тучное тело тяжело опустилось рядом с ним. В нос ударил запах цветочных духов и разогретого майским теплом тела.

Артур упёрся глазами в пол.

– Здравствуй, Артур, – вскоре раздалось почти над самым ухом.

Артур прижался плечом к стеклу и сел вполборота.

– Здравствуйте, Римма Матвеевна.

Они немного помолчали.

– Хорошую девочку вырастила Лена. – Голос бывшей тёщи, несмотря на годы, оставался таким же твёрдым.

- Она всегда была хорошей девочкой... – только и нашёл, что сказать, Артур.
- Я была у них в гостях. В прошлом году. Мне очень понравилась Америка.
- Я рад...

Теперь, когда их больше уже не связывали родственные отношения, и время залечило многие раны, Артур не чувствовал приступов удушья, находясь рядом с этой женщиной, сыгравшей когда-то роковую роль в его семейных отношениях. И это его немного ободрило.

– У Яны было очень красивое платье на выпускном балу. Настоящая красавица. У них это всё так торжественно...

Артур попытался представить, как теперь выглядит его дочь. Все эти годы он всячески избегал фантазий на эту тему, теперь же не удержался – случай. Воображение услужливо нарисовало вполне живую картину. Сердцу от этого стало тесно в груди.

- А ты как, Артур? Как семья? Как сын?
- Замечательно.
- Наверное, уже большой мальчик?
- Большой.

– Лена работает в филиале завода Форда. Работа ей нравится. – Царственно посаженная голова Риммы Матвеевны ещё больше повернулась в его сторону.

Артур непроизвольно подался назад.

- В Америке – всё для людей. Я была удивлена...

Его подмывало больше расспросить о дочери, но он не решался – слишком больной для него была тема.

- Я там прямо душой помолодела...

Только теперь Артур обратил внимание, что вид его бывшей тёщи, несмотря на солидный возраст, был вполне современным. Бежевый брючный костюм, неброский макияж, свежий маникюр...

- Да, хорошо выглядите...

- Спасибо.

- Замуж не вышли?

- Ну, как ты так можешь, Артур!? Такого человека, каким был мой Николай, мне уже не встретить.

В памяти Артура всплыли обстоятельства болезни и смерти тестя, но винить во многом эту женщину ему уже не хотелось.

- В жизни всякое бывает... – сказал задумчиво.

– Нет, это не для меня... – В сумочке Риммы Матвеевны тихо ожил мобильный. – Извини, Артур. – Она прижала телефон к уху и наклонила голову. – Да, Яна, слушаю, девочка...

Артур насторожился.

– Корица? Сейчас подумаю... Да, вспомнила, в угловом шкафчике на верхней полке. Нашла? Умница. Только осторожнее с маргарином – не забывай про мой уровень холестерина... Уже подъезжаю... Жди... – Римма Матвеевна дала отбой и сунула мобильный обратно в сумочку.

- Это... Это Яна? – губы Артура были сухими.

- Да.

- Она в городе?

- Ну конечно же! Я ей говорила, позвони папе...

- Извините... – чувствуя, что задыхается, Артур поднялся и стал пробираться к выходу

Свежий воздух ещё больше опьянил его. Он судорожно расстегнул верхнюю пуговицу сорочки и как во сне зашагал на противоположную сторону улицы.

Противно взвизгнули тормоза серебристой «Ауди», и Артур, отброшенный мощным ударом, упал на асфальт. Последнее, что он увидел в этот миг, это резко прыгнувшее за фасад дома солнце...

Она взволнованно посмотрела на часы и встала. Прошла по комнате туда-обратно, взяла в руки бесполезный мобильный, неуверенно положила обратно. Подошла к двери и прислонила ухо к косяку, вслушиваясь в мертвенную тишину.

Впервые она ждала его шагов...

2008 г.

КРАСИВАЯ СТРАНА

Всем труженикам горя посвящается

Ей очень хотелось помочь этому немногословному, задумчивому человеку. Хотелось вывести к свету. Ей казалось, что она знает, как это сделать. По крайней мере, ещё сегодня утром.

– Я думаю, мне ясна причина ваших проблем, Петр. – Анна Вианоровна Сирик – стильная тридцатипятилетняя врач-психиатр закрыла лежащую перед ней историю болезни и, решительно отодвинув, поудобнее устроилась в кресле. – Это ничего, если я буду называть вас просто Пётр?

– Ничего.

– Хорошо. Так вот, Пётр, у вас патологически протекающая работа горя. Отсюда и эта не проходящая депрессия, и всё остальное.

«Какая у горя может быть работа?» – машинально подумал Пётр Крупнов и поправил очки в изящной тонкой оправе, будто собираясь лучше рассмотреть эту самую работу.

– Странно, согласитесь, на первый взгляд звучит этот термин, – словно прочитав его мысли, сказала Сирик и улыбнулась, давая понять, что излишне опасаться этого необычного сочетания слов не следует.

– Странно.

– Кстати, впервые ввёл его в употребление ещё Зигмунд Фрейд. В своей работе «Печаль и меланхолия». Но до сих пор он представляет интерес в основном для специалистов. И это, в общем-то, хорошо.

– Понятно, – кивнул Пётр и рассеянно уставился в окно. На дворе всеми красками полыхало бабье лето. Его любимая пора года. Но ему было холодно.

– С этой работой Фрейда вы, конечно, могли и не сталкиваться, а вот с работой горя, уверена, уже сталкивались. И не раз. Только не знали, что это так называется. И в более лёгкой форме.

– Вот как? – он вновь посмотрел на врача.

– Да. Переживание человеком потери чего-то значимого в жизни и называется «работой горя». Будь то банальная утеря кошелька или куда более серьёзное горе – смерть близкого человека. Или, как в вашем случае, развод. Насколько я понимаю, для вас очень травматичный. Хотя вы и стараетесь от меня это скрыть.

– Развод как развод...

В несколько мгновений все обстоятельства этой до нереального обыденной истории пронесли в голове Петра, и лицо его ещё более заострилось. Ему нестерпимо захотелось встать и уйти, но он сдержался. Даже не подал вида, как ему больно.

– По причинам, мне пока до конца неизвестным, вы застряли в ней и теперь буквально убиваете себя, как можете. Это не выход.

«Я убиваю не себя, а боль, живущую во мне», – в который раз за сегодняшний день устало подумал Пётр, но вслух, защищаясь, процитировал:

– Дайте секиру погибающему и вино огорчённому душою.

– Притчи?

– Да.

– Мне знакомо это место Писания, но я не советовала бы принимать эти слова как руководство к действию. Особенно вам. Думаю, вы понимаете, почему.

– ...Не вполне.

– Я была на выставке ваших работ. Вы очень талантливый художник.

– А, это... – поморщился Пётр. – Но талант ведь может быть и проклятием, – не то спросил, не то сказал он и упёрся глазами в пол.

– Вы так считаете?

– Почти уверен.

– Я думала, это дар.

– Я тоже когда-то так думал... После сорока всё видится по-другому.

– По-моему, это в вас сейчас говорит депрессия.

– Может быть, – не стал возражать он.

– Вы слишком тонко душевно-организованный и слишком ранимый человек. Я бы сказала, сверхранимый. С этим непросто жить, согласна, но и опускать руки не стоит. Тем более... – она не стала развивать мысль дальше.

Пётр покраснел, несколько раз провёл ладонью по коротко стриженным волосам, снял очки, повертел в больших сильных руках, вновь надел.

– Да не волнуйтесь вы так, я же ни в чём вас не укоряю.

– Я боролся, как мог. Но это выше моих сил.

– Верю. Поэтому и затеяла этот разговор. И именно поэтому, как принято говорить в таких случаях, предлагаю быть вашим попутчиком на пути к самому себе. Согласны?

– Почему бы и нет? – вопреки всему оживился Пётр и изучающее посмотрел на врача. Будто видел впервые. Утончённые черты лица, умные серые глаза, открытый взгляд. – Почему бы и нет... – повторил севшим голосом.

Он давно уже чувствовал, что без помощи специалиста ему не выкарабкаться. Не обрести равновесия. Не выстоять в жизни, расколотой на бесконечные «до» и «после». О Боге как-то не думалось, хотя он и считал себя верующим человеком. Как раненый зверь, он пытался искать помощи у людей и в забвении. Но пока безрезультатно.

– Где сокровище ваше, там и сердце будет ваше, – вновь блеснула знанием Библии Сирик. – В этом корень вашей депрессии.

– Я мало зарабатывал, не каждая выдержит, – мимо воли вырвалось у Петра. – Человек не сразу становится мастером...

– А вот чувство вины – её почва. Благодатная. От него нужно избавляться.

– Как?

– Попробуйте посмотреть на всё под другим ракурсом. Он есть в вашем случае, уверена. Пока попробуйте отыскать его самостоятельно и, если вам это удастся, уверяю, вам станет легче.

– Хорошо, попробую.

– Отлично. Теперь вернёмся к работе горя. Существует немало разных схем протекания острого горя, но я остановлюсь на шестистадийной. Чтобы вам было понятно, о чём я говорю. Проиллюстрирую её на вашем примере. То есть, на примере развода. Для вашей же пользы, прошу отнестись к моим словам с вниманием.

– Я постараюсь.

– Так вот. Первая стадия работы горя – стадия сомнения. На ней у человека ещё теплится надежда: «А может быть, всё-таки не развод?» Вторая стадия – стадия констатации. «Нет, всё-таки развод». Третья стадия проявляется в агрессии. «Да как она могла!» На четвёртой стадии человек впадает в уныние или депрессию... – Сирик сделала паузу и многозначительно посмотрела на Петра. Тот едва заметно кивнул, давая понять, что сказанное принято к сведению. – На пятой стадии начинаются поиски нового партнёра, – продолжала врач. – На шестой партнёр найден и энергия либидо из старых отношений полностью переносится в новые. На этом работа горя заканчивается, и человек вновь начинает жить полноценной жизнью. В норме при разрыве супружеских отношений она занимает год. Но при психологической зависимости от партнёра или комплексе вины, – Сирик вновь посмотрела на Петра, – этот процесс может затянуться и приобрести хроническое течение. Как у вас. К сведению, при смерти ребёнка работа горя у родителей длится в среднем четыре года. Такие вот дела.

Пётр понимающе покачал головой.

– Мне никто не нужен, – сказал тихо.

– Но ведь вам надо как-то жить дальше.

– Если честно, даже не представляю, зачем.

Сирик немного помолчала.

– А сын? А искусство?

– Они прекрасно обходятся и без меня.

– Это вам только так кажется. Большое, как говорится, видится издалека. Ваше время ещё придёт, я в этом уверена.

– Хотелось бы... Хотелось бы...

– Всё так и будет. – Врач встала, открыла форточку. В кабинет ворвался густой пряный воздух больничного двора. – У вас ещё многое впереди. – Она вновь устроилась в кресле и, незаметно оценив свой изысканный маникюр, положила руки на стол. – Очень многое.

– И вы туда же... Нет там ничего. Впереди. Ни-че-го.

– Ясно. Пустое настоящее. Вы не видите жизненных перспектив. Это характерно для вашего состояния, но, могу вас успокоить, это пройдёт.

– Да, пусто внутри... Будто сердце вынули, – чувствуя, как холод унылых стен бывшего бернардинского монастыря всё глубже и глубже проникает внутрь души, почти прошептал Пётр и, согреваясь, потёр ладони. – Пустота...

– Я вас к этому и подвожу. В вашей жизни должен появиться человек, который заполнит эту пустоту. Другого пути нет. Иначе вы так и не выберетесь из своей депрессии. Ведь, насколько мне известно, вы развелись около двух лет назад?

– Да, скоро будет два.

– Вот видите, а вы до сих пор на четвёртой стадии.

– Я однолюб. Да и возраст уже...

– Возраст?! – не удержалась, улыбнулась Сирик. – Мужчина начинается после сорока, кому не известно?

– Может быть... Да, это так... Но... – стушевался Пётр. – Я не могу без неё... Не представляю...

– А вы представьте.

– Пробовал.

– Да, похоже, кроме комплекса вины у вас ещё и психологическая зависимость от бывшей жены. Любовь-привязанность, так сказать. В общем, полный букет.

– Я не знаю, как это называется, но мне, действительно, нехорошо.

– Вашей жене два года назад делали операцию по поводу опухоли мозга. Вы хотите об этом поговорить?

– Нет. Не хочу. Не сегодня... Только не сегодня... Кстати, откуда вам это известно?

– У меня много знакомых среди врачей, что тут удивительного?

– Нет, ничего...

За окном скрипнули тормоза и почти тотчас хлопнули дверцы.

«Кого-то привезли», – догадался Пётр, но в окно смотреть не стал – он был не любопытен. «Прифронтовой госпиталь», – подумалось почему-то ему.

– Я бы никогда её не бросил, – сказал вслух. – Что бы ни случилось. Тем более... – он не стал развивать мысль дальше.

– Об этом не трудно догадаться по вашим картинам. Ведь большинство из них, насколько я поняла, вы посвятили жене?

– Я посвятил ей больше, чем картины, и благодарен ей за это.

– И всё же...

– Да, в жизни не всё так, как хотелось бы.

– Согласна. И с этим нужно смириться.

– Смиряться. Не получается... Ведь я брил ей голову, помогал везти в операционную... Подписал какие-то документы накануне... По-моему, важные. Теперь только не вспомню, какие точно...

– Разрешение на оперативное вмешательство, – пришла на помощь Сирик.

– Да, что-то в этом роде. Плохо запомнилось – всё происходило как во сне. Казалось, я умираю вместе с ней...

– Понятно, – кивнула врач. – По шкале стресс-факторов вы получили два сильнейших стресса. Смерть, пусть и субъективную, близкого человека и разрыв отношений с ним. Что тут удивляться, что вы впали в такое состояние? – Сирик сплела пальцы рук. – Но, уверяю вас, время лечит и не такое – нужно только начать движение вперёд. И это целиком зависит от вас.

– Нет, думаю, не от меня. Хотение в нас производит Бог – это очевидно.

– Тут я с вами не согласна – многое зависит и от человека.

– От человека?.. Что ж, пусть будет так.

– Не будем спорить. Повторюсь, вам нужно сделать шаг навстречу новой жизни. Необходимо. И я, чем смогу, вам в этом помогу.

– Спасибо.

– Рано благодарить, у нас ещё всё впереди. А пока... – Она вновь пододвинула к себе историю болезни. – Пока мы попробуем разобраться с вашей психологической зависимостью от жены. Вы ведь согласны, что она у вас есть?

Пётр на несколько мгновений задумался.

– Согласен.

– Вы хотите её разорвать?

Теперь он думал намного дольше.

– Хочу. – И тут же, ища подтверждения своим мыслям, с вопросительными нотками в голосе продекламировал: – Нет, ты мне совсем не дорогая – милые такими не бывают, сердце от тоски оберегая, зубы сжав, их молча забывают?

– Нет, не совсем так. Но близко. Кстати, чьи это строки?

– Николая Асеева.

– Припоминаю такое имя. Написано очень эмоционально. Но, в отличие от Фрейда и Асеева, я не буду предлагать вам забыть жену, наоборот, я предложу вам обустроить хорошую память о вашей семейной жизни и отпустить. Жену от себя, а себя от неё.

– Что сочетает Бог, люди да не разлучают.

– А блудный брак? – не удержалась, вступила в полемику Сирик.

– Вы тоже считаете, что законный брак может быть блудом?

– Сплошь и рядом. Но это между нами.

– Я изменяю ей с ней, а она изменяет мне со мной? Так, по-моему, это звучит?

– Примерно.

– Нет, у нас всё было по-другому... По крайней мере, у меня.

– Сколько вы прожили вместе?

– Двенадцать лет.

– Да, это срок. За такое время люди достаточно глубоко прорастают друг в друга. Особенно тот, кто любит.

– Глубоко. Очень.

– Мне доложили, что вы вновь отказываетесь от приёма пищи. Так дело не пойдёт.

– Не хочу... Не могу...

– Нужно. Вы потеряли много крови. Не вынуждайте меня идти на крайние меры.

– Хорошо. Я постараюсь.

– Договорились. Кстати, посмотрите на досуге на себя в зеркало. Извините за сравнение, живой труп.

– Я знаю... Сравнение точное, что тут извиняться.

– Вот видите, вы сами всё прекрасно понимаете. Зачем же тогда себя так изводите?

– Я не специально – просто психика так работает... Жизнь из тела куда-то ушла...

– Понимаю. Значит, попытаемся вдохнуть в вас жизнь. Вернее говоря, вернуть к жизни. А для этого, я, для начала, предложу вам следующее. Попробуйте немного абстрагироваться от своей бывшей жены, оторваться. Почувствовать себя свободным. Если мне не изменяет память, её зовут Алла?

– Да. Алла.

– Так вот, придумайте ей другое имя. На ваш выбор. Желательно, для вас чужое. Малознакомое. Чтобы оно вызывало у вас как можно меньше ассоциаций. Любых. Попробуйте... Пётр на несколько мгновений задумался.

– Инга.

– Хорошо, пусть будет Инга. С этой минуты постарайтесь в своих внутренних диалогах и монологах обращаться к Инге как к знакомому, но никак не близкому человеку. Это поможет вам вырваться из психотравмирующей ситуации и посмотреть на неё со стороны. Конечно, это потребует времени и усилий, но то того стоит – этот приём поможет вам сделать первые шаги по разрыву психологической зависимости от этой женщины. Инги, то есть, – сочла нужным уточнить врач. – С этого мы начнём, а об остальном мы поговорим завтра. Хорошо?

– Да. Конечно. – Пётр встал.

– Поверьте, вы напишите ещё много замечательных картин. – Сирик тоже встала. – Мне очень нравится ваше творчество. И я в вас искренне верю.

– Спасибо. До завтра.

– До завтра.

Мрачные своды больничного коридора вновь легли на плечи невыносимой тяжестью. Пётр поправил пижаму и, стараясь никого не задеть плечом, зашагал в палату.

От вида потерянных лиц больных уже через несколько шагов в его душу с новой силой вгрызлась тоска. Отчаянная и безжалостная. «Господи...» – мысленно прошептал он, чувствуя, как на глаза наворачиваются непрошенные слёзы. Но он их сдержал. «Сколько здесь неприкаянности...» – подумал лишь.

Спёртый воздух десятиместной «наблюдательной» с порога тяжело ударил в нос. Пётр поморщился, беспомощно посмотрел на зарешёченное окно, затем на сидящего в углу санитаря. Судя по расслабленному виду последнего, того всё устраивало.

Горбясь под неотступным взглядом наблюдателя, Пётр прошёл к койке, устало опустился на скрипнувшее пружинами ложе.

Дремлющий по соседству добряк Алексей Койро тотчас открыл глаза и, закинув руки за голову, потянулся.

– Долго же вы, Мастер, десятый сон вижу...

– Опять про неё? – Пётр сунул руку под подушку, достал Библию.

– Нет, – смутился Алексей. – Дочь снилась. Косички ей заплетал. Здорово...

– Это хорошо... – Пётр нащупал пальцами закладку, открыл Библию в нужном месте.

«Твёрдого духом Ты хранишь в совершенном мире; ибо на Тебя уповает он», – прочитал про себя самые, на его взгляд, обнадеживающие слова Писания и задумался, в очередной раз не почувствовав так нужного ему успокоения. Бог, который, как известно, находится на расстоянии молитвы от человека, вот уже два года явно не слышал его. Казалось, что теперь их разделяют не несколько простых слов, а миллионы световых лет. И это было по-настоящему пугающим.

– Хорошая она женщина... – Алексей сел.

– Кто?

– Сирик.

– Хорошая.

– Я бы сказал, редкая. Её здесь все любят.

– Повезло кому-то.

– Да. Муж у неё – врач-реаниматор. Тоже, говорят, классный специалист. Двое ребят. В общем, идеальная пара.

– Понятно... – Пётр вновь задумался. – Хорошо, когда люди счастливы в браке. На сердце легче, что есть такие пары. Даже по-хорошему завидно. К сожалению, теперь это не мой случай...

– Большому сердцу – большое горе. Так устроена жизнь.

– Я бы не пережил, если бы с ней что-то случилось во время операции или после. Я себя знаю.

– Говорят, тяжёлые любовные переживания это Божьи благословения. Для претерпевших до конца.

– Может быть. Посмотрим... Володя не просыпался? – Пётр кивнул на своего соседа по другую сторону койки.

– Нет. Ему опять дозу увеличили.

– Жалко его. Так он и не свозил свою половину на экзотические острова.

– Не судьба. Зато другой свозил.

По бледному лицу Петра пробежала тень.

– Впервые вижу человека, сошедшего с ума от горя.

– Подожди, ещё не такого насмотришься.

– Куда уж больше... – Пётр положил Библию на тумбочку. – Дом её ведёт к смерти, и стези её – к мертвецам...

– Крупнов, к вам пришли! – неожиданно докатился из коридора голос дежурной медсестры.

Пётр вздрогнул, посмотрел в полыхнувшие вопросом глаза приятеля.

– Чудес не бывает, – сказал тихо.

– А вдруг?

– Нет, это не она.

Он встал и бросил взгляд на санитаря. Тот утвердительно кивнул.

В комнате для свиданий было холодно.

Пётр поёжился и едва успел распахнуть объятия взволнованно кинувшемуся к нему навстречу великану.

Валентин Дубринский, его арт-дилер, хотя и был одного с ним роста, из-за массивного телосложения всегда казался ему выше.

– Ван Гог ты мой дорогой... – похлопав друга по спине, прослезился Дубринский. – Успех, полный успех! Ты даже не можешь себе представить...

Он увлёк Петра к приземистому столу у стены.

Они уселись друг напротив друга, обменялись внимательными взглядами.

Коридорный санитар сел в дальнем углу, как можно дальше от них. Петра это тронуло.

– Французы в восторге... Да что там французы – весь мир теперь у твоих ног! Я не преувеличиваю.

– Да? – равнодушно произнёс Пётр, будто речь шла не о нём, а о каком-то постороннем человеке.

– За сколько, ты думаешь, я продал «Возвращение Лилит»?

Пётр пожал плечами.

Гость недоверчиво посмотрел на санитара, достал из кармана «Паркер», щёлкнул замками кейса.

– Вот...

Перед Петром лёг на стол блокнотный листок с вписанной в него пятизначной цифрой.

– Она того стоит, – спокойноотреагировал Пётр, смял листок и сунул в карман.

– Это не всё. Купили и «Тяжёлый натюрморт», и «Одиночество вдвоём», и «Самую прекрасную». В общем, все твои последние работы. Правда, немного дешевле, но цифры тоже пятизначные. Когда выйдешь отсюда, я дам тебе полный отчёт. У меня, как в банке, ты же знаешь.

– Хорошие работы...

– Ещё на три картины есть покупатели, но пока мы не сошлись в цене. Теперь я тебя дёшево не отдам.

Пришёл наш час...

– Спасибо.

– Хочешь посмотреть, что о тебе пишут в солидных таблоидах? Наших и их.

– Обо мне уже пишут в таблоидах?

– Ещё как. Я же говорил, что твоя слава будет обвальная.

– Нет. Не хочу.

– Ну, как знаешь. Потом прочтёшь. Я оставляю.

– Не стоит. Она знает?

– О, ей я позвонил в первую очередь. Поздравить, так сказать.

– И что?

– Она сказала, что её это не касается. Хотя, если честно, я этому не верю.

– Понятно. – Лицо Петра ещё более заострилось.

– Да выкинь ты её из головы! Ты теперь не бедный человек – ошастливишь любую. С твоим-то характером, притом. А она свой вариант уже нашла. Вернее говоря, вычислила...

– Зря ты так... Её можно понять... Она такое перенесла...

– А ты? Что ты перенёс, кто поймёт?

– Но ты ведь понимаешь, а этого уже вполне достаточно. И не ты один... – Петру вспомнился недавний разговор с врачом. – А над твоими словами я подумаю...

– Ты уже два года думаешь. Кстати, швы сняли?

– Вчера. – Пётр машинально провёл большим пальцем по локтевому сгибу левой руки.

– Если честно, я от тебя такого не ожидал. – Лицо Дубринского посерьёзнело.

– Небо, самолёт, девушка...

– Что? Не понял...

– Небо, самолёт, девушка – говорю.

– Причём здесь самолёт?

– Фильм такой есть. С Ренатой Литвиновой.

– Ну так что?

– Её героиня в одном из эпизодов говорит: «Только вот не хочется идти и жить дальше». Так и у меня.

Неужели не смотрел?

– Нет, не смотрел.

– Зря. Хороший фильм.

– Когда мне? Москва – Париж, Париж – Москва. Забыл даже, как домашние пирожки пахнут. Да, о пирожках...

Дубринский сунул руку под стол и водворил на столешницу объёмный вкусно пахнущий пакет.

– Здесь и с творогом, и с капустой, и с повидлом, и с яйцом. Ольга всё утро у плиты простояла. Привет тебе огромный от неё. И от ребят тоже.

– Спасибо. И им передай. Только куда мне столько угощений?

– Поправляйся. Там ещё бананы, апельсины, сок, орехи. В общем, как ты любишь. И очень прошу тебя, лечись, не дури. Нас ещё ждёт Нью-Йорк. Не забывай.

– Постараюсь.

Дубринский посмотрел на часы.

– Ну всё, извини мне пора. Вечером улетаю.

– Спасибо тебе за всё, Валентин...

– Тебе спасибо. Что жив... – голос гостя предательски дрогнул. – Ты же сам всегда говорил: «Славе предшествует смирение». Так смирись в конце концов, что её нет рядом. И никогда уже не будет.

– Я уже почти смирился.

– Вот и замечательно. В общем, пока. Выздоровливай. – Дубринский встал и протянул руку.

– Пока...

– Пока, камень...

Всю дорогу до палаты, Пётр пребывал в странном состоянии раздвоенности. Одна половина его, озябшая и одинокая, тяжело шагала длинным узким коридором, а вторая, лёгкая и стремительная, плавно скользила по незнакомым улицам далёких городов, вглядываясь в лица прохожих, в надежде встретить заинтересованный взгляд той, которой он мог быть нужен. Такой, какой есть.

«Тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь», – подумалось почему-то.

Алексей, уткнув лицо в ладони, сидел на краю койки.

– Тебе плохо? – обеспокоено тронул плечо товарища Пётр.

– Нет-нет! Молюсь...

– А-а-а...

Алексей бросил взгляд на пакет, затем на Петра, но спрашивать ничего не стал.

– Друг приходил...

– Я понял.

– Ты, это... – Пётр поставил пакет на кровать. – Раздели на всех, пожалуйста. У тебя это лучше получится – ты ведь здесь человек бывалый.

– Нет проблем. Но только не сейчас – после ужина. Так удобнее всего.

– Тебе видней.

– О'кей.

Алексей втиснул пакет в тумбочку.

– Сейчас на прогулку поведут. Пойдёшь?

– Не знаю...

– Пойдём-пойдём! Хватит отлёживаться – совсем так зачахнешь.

– Нет настроения... Да и сил.

– Думай обо мне, что хочешь, но сегодня я от тебя не отстану.

Алексей встал, и почти тотчас по отделению разнеслось повелительное: «На прогулку!»

– Ну! – он тронул Петра за руку.

– Хорошо, давай сходим, – нехотя сдался Пётр и первым шагнул к двери.

Алексей постучал по спинкам коек ещё двух заспавшихся кандидатов на прогулку и двинулся следом.

Свежий осенний воздух слегка опьянил Петра. Он шумно выдохнул, сощурился и посмотрел в небо. Глубокое и чистое. Сердце привычно защемило от представшего глазам величия. «Господи...», – невольно сорвалось с губ восхищение.

Во дворе, вплотную примыкавшему к стене обветшалого корпуса, было многолюдно. Пётр обвёл глазами озабоченные лица больных и кивками поприветствовал тех, с кем уже успел познакомиться. Таковых пока было немного.

– Ну вот. Можешь в беседке посидеть, можешь на солнышке посидеть, погреться. – Алексей подтолкнул его вперёд.

– А ты?

– А я – к дамам поближе. Хочешь, присоединяйся.

– Нет-нет, я лучше похожу.

– Ну, как знаешь. Не скучай... – Ободряюще хлопнув товарища по плечу, Алексей зашагал к забранному толстыми металлическими прутьями проёму в стене между женским и мужским дворами.

Пётр несколько раз прошёл по асфальтовой дорожке от стены к стене и в нерешительности остановился – ходьба оказалась ему в тягость. Он окинул взглядом свободные места на скамейках, выбирая, куда бы присесть, но тут его окликнули по имени. Он оглянулся и увидел спешащего к нему улыбчивого крепыша Виталия Семенчука из соседней к «наблюдательной» палаты, с которым он уже успел подружиться.

– Пётр, ты должен это обязательно увидеть! – Семенчук был не на шутку возбуждён. – Вылитая Кира Найтли – я в отпаде!

– Что увидеть? Кто Кира Найтли?

– Новенькая, из «третьего». Сегодня привезли. Я с ней в приёмной познакомился. Я тебе доложу... – Семенчук мечтательно закатил глаза. – Не будь я женат, я бы за ней уже приударил. Да ещё как! Но... – Он сделал скорбный вид.

– А я здесь причём?

– Как причём? Ты же художник – а здесь такая красота. Ты обязательно захочешь написать её портрет. Уверен. Идём, я вас познакомлю.

– Только не это. Я не в форме.

– Брось ты – не в форме. Прекрасно выглядишь. Мастер после великих трудов, так сказать.

– Трудов... – не удержался, улыбнулся Пётр. – Великих, тем более. Работа как работа, тоже мне скажешь...

– Не скромничай. Ну что, идём?

– Я... Не знаю... – Пётр беспомощно завертел головой.

– Ну ради меня! – не сдавался Семенчук. – Хочу убедиться, что меня ещё не покинуло чувство прекрасного.

– Хорошо, уговорил, идём.

Стараясь не отставать, Пётр зашагал за двинувшемся в сторону женского дворика приятелем.

У проёма было многолюдно – жажда общения с противоположным полом явно брала верх над болезненными состояниями многих.

– Посторонись, народ! – Семенчук решительно раздвинул плечами парочку самых хилых на вид кавалеров и притянул к металлическим прутьям спутника. – Смотри, вон она – в голубом клетчатом халате. Он указал на расположившуюся на угловой скамейке белокурую девушку.

– Надя! – вполголоса выкрикнул Семенчук.

Блондинка не шелохнулась.

– Надя!! – крикнул громче.

Девушка вздрогнула и медленно повела головой в их сторону. Коротким движением поправила волосы, и тут сердце Петра тревожно заняло – движения были ему до боли знакомы. Именно таким образом его жена поправляла волосы, именно так немного наклоняла голову вбок, когда пыталась что-нибудь рассмотреть... Похожесть была до нереального зеркальной. Ему стало страшно.

– Иди к нам! – Семенчук сделал приглашающий жест.

Девушка послушно встала и двинулась в их сторону. Движения её были заторможенными, в них явно угадывалась солидная доза лекарств.

Чем больше она приближалась, тем больше бросалось в глаза её портретное сходство с известной киноактрисой. Те же высокие скулы, тот же овал лица, нос, рисунок губ...

– Её парень бросил накануне свадьбы, – тихо пояснил Семенчук. – Вот она и... – Он выразительно провёл ногтем по запястью. – Кретин, что ему ещё было нужно?..

– Не знаю... – машинально прошептал Пётр, не отрывая глаз от лица девушки.

– Ты только это... – Семенчук приложил палец к губам.

– Не маленький... – Пётр схватился за металлический прут, будто боясь упасть.

– Привет... Виталий. – Девушка остановилась в двух шагах от них и вопросительно посмотрела на Семенчука.

– Привет... Мы ведь того... Виделись... – смутился тот.

– Ах, да... – Она растерянно потерла висок и перевела взгляд на Петра. – Виделись... – глаза её изумлённо расширились.

Петру стало не по себе. Он в недоумении оглянулся, желая убедиться, что за ним никто не стоит. Сзади никого не было.

– Вот, хочу вас познакомить. Это – Пётр. – Семенчук легко коснулся плеча товарища. – Художник... Замечательный.

– Да? – Девушка подошла вплотную. – Пётр... – повторила тихо.

– Ну, а это Надя. – Семенчук незаметно толкнул Петра в бок.

– Надежда... Очень приятно. – Пётр бережно пожал протянутую руку и вдруг, неожиданно даже для самого себя, заботливо поправил бинты на запястье девушки.

Та насторожённо замерла, пристально посмотрела ему в глаза и так же неожиданно уже для всех, подавшись вперёд, доверчиво прижалась к Петру. Её руки, просунутые в зазоры между металлическими прутьями, сомкнулись у него на спине.

– Что ж ты её любишь, ты ведь так меня сгубишь... – тихо пропела она, уткнувшись в его грудь.

Пётр с первых слов узнал строки из песни королевы русского R'n'B и, ведомый непреодолимым душевным порывом, продолжил строками, касавшимися его:

– Что ж ты её любишь, ты ведь так себя сгубишь...

Объятия девушки стали теснее.

Семенчук смущённо кашлянул, но девушка на это никак не отреагировала.

На своей груди Пётр почувствовал мокрое тепло слёз.

– Ну что ты... – Он осторожно тронул волосы своей новой знакомой и в тот же миг ощутил, как в не на шутку пугающей его в последние годы вечности, что-то изменилось. Он даже не понял, что.

– Больно... – прошептала девушка и прижалась ещё сильнее. Равнодушное железо тупо врезалось в их тела.

– Знаю... – Пётр не сдержался и погладил в отчаянии склонившуюся к нему голову.

Они замолчали, каждый думая о своём и только натруженные сердца отчаянно стучали в холодный металл, будто давая понять, что они всё ещё живы. Время, казалось, остановилось... И тут далёкое и волнующее курлыканье мягко тронуло их души. Они отстранились друг от друга и одновременно посмотрели в небо. Печальный журавлиный клин медленно плыл на юг, оставляя сзади за собой на земле броскую желтизну отгоревшего лета и обращённые к ним лица. Зрелище этого созревшего расставания, без преувеличения, было величественным...

– Здорово... – только и нашёл, что сказать, Пётр.

Девушка кивнула и вновь потерянно посмотрела ему в глаза.

Пётр покраснел.

– Вы давно здесь? – тихо поинтересовалась она.

– Вторую неделю.

– А ты, Виталий?

– О-о-о! – тоскливо протянул тот.

– Понятно... Жутко здесь как-то... Люди какие-то...

– Это только поначалу так кажется, – сделал успокаивающий жест Семенчук. – Всё не так страшно.

– Не знаю... – неуверенно проронила девушка и с нескрываемым страхом посмотрела по сторонам. Неестественно-отсутствующий вид многих больных явно её пугал.

– Да, всё не так уж мрачно, Надя, – пришёл на помощь товарищу Пётр. – Вполне милые люди... Нужно только присмотреться.

– Может быть... – не стала возражать девушка и зябко передёрнула плечами.

Это движение не ускользнуло от внимания Петра – внутренний холод уже давно был его спутником, даже в жаркую погоду, поэтому состояние девушки было ему знакомо и понятно.

– Всё, заканчиваем прогулку! – совсем некстати пронеслось по дворику.

Пётр бросил взгляд на вставшую со своего места санитарку из женского и украдкой всмотрелся в лицо девушки, будто стараясь запомнить его навсегда. Схожесть с Кирой Найтли теперь была для него не столь очевидна. Да, это была красота одного ряда, но славянское происхождение его собеседницы бесспорно придавало этой красоте столь выгодно, на его взгляд, женственность и мягкость.

– Идём, – потянул его за край пижамы Семенчук.

– Да-да... Конечно... Идём... – Пётр несколько раз растерянно провёл ладонью по коротко стриженным волосам. Со стороны казалось, что он занят решением какой-то трудноразрешимой задачи. – Пока, Надя... Выздоравливай... – наконец выдавил из себя он.

– Пока... – эхом откликнулась девушка.

Они кивками попрощались и влились в ручейки неторопливо текущих к выходам больных.

– Ну как? – живо поинтересовался Семенчук, лишь только они сделали несколько шагов.

– Редко красивая девушка...

– А я тебе что говорил? Вылитая пиратка Карибского моря.

– Ну, не вылитая, но сходство, конечно, впечатляющее.

– Напишешь её портрет?

– Не знаю, – честно признался Пётр. – Слишком всё сложно сейчас в моей жизни. Да и её тоже.

– И всё-таки, если решишь, не забудь – идею тебе подсказал я. Буду считать это своим вкладом в мировое искусство.

– Не забуду, – впервые, за кажущееся бесконечным количество дней, улыбнулся Пётр и посмотрел на солнце, стараясь вобрать в себя как можно больше света...

В палате он обессилено рухнул на койку и трижды про себя прочитал «Отче наш», каждый раз акцентируя на словах «да святится имя Твоё».

Алексей Койро вошёл в палату последним.

Пётр открыл глаза. Вид вошедшего был умиротворённый.

– Умолкнет смех, померкнет взгляд, но жизнь продолжится, мой брат, – оптимистично продекламировал Алексей и с ходу плюхнулся на свою койку.

Пружины жалобно взвизгнули под тяжестью его тела.

– Да, смеха здесь маловато, – по-своему отреагировал на стихотворные строки Пётр.

– Большие победы рождаются из больших проблем, сам же говорил.

– Да... В идеале должно быть так. Но, к сожалению, не у всех.

– Но у тебя уж – точно. Меня чутьё никогда не подводило.

– У меня?... – Пётр задумался над прозвучавшим утверждением, и только тут до него в полной мере дошёл смысл его беседы с другом. Он машинально снял очки и потёр глаза. – Должно быть, ты прав...

– Кстати, ты что, знакомую встретил?

– С чего ты взял, что знакомую?

– А чего же вы тогда с ней так обнимались?

Пётр смутился.

– Просто... Не знаю... Впервые вижу... Виталий Семенчук познакомил. Новенькая. Суицид... – спутано попытался оправдаться он.

– Впервые видишь? Ну ты, брат, оказывается, ещё и сердцеё. Впрочем, это не удивительно.

– Да нет... Нет... Просто, мне кажется, я ей кого-то напомнил. Чисто внешне. Вот она и решила поплакаться – не отошла ещё от шока.

– Ладно, не смущайся, в этих стенах ещё не такое случается. Душевно больные люди, что ни говори. А значит, что?

– Что?

– Что у каждого из этих людей есть душа и она хочет хоть кусочек тепла. Хоть самую малость. Чтобы окончательно не сдаться... – Голос Алексея предательски дрогнул.

– Да, это я успел заметить.

О том, что его душа требовала того же, Пётр сказать постеснялся. Мысли его вновь скользнули к разговору с Дубринским, затем к разговору с девушкой. Он выхватил из сказанного самое главное и вдруг почувствовал, что неимоверный груз, лежащий на сердце, стал легче. Зато веки в тот же миг налились сладостной тяжестью. Он облегчённо выдохнул, чувствуя, что засыпает.

– Извини, Алексей, я немного посплю, – пробормотал он, поправляя подушку.

– Вот видишь, и на сон тебя склонило, – удовлетворённо заметил Койро. – Я же говорил, что тебе нужно прогуляться.

– На ужин не буди. – Пётр расслабленно вытянулся на койке. – Ну а насчёт передачи мы с тобой уже договорились.

– Спи, не беспокойся. Всё сделаю, как нужно.

– Хорошо... – прошептал Пётр, погружаясь в зыбкую бездну.

Сон его был глубоким и вместе с тем беспокойным.

... Проснулся он от громкого стука. Несколько мгновений лежал с открытыми глазами, соображая, где находится.

Тусклый свет ночного освещения терялся под высокими мрачными сводами, но и того, что выхватил взгляд, в конце концов оказалось достаточным, чтобы Пётр вспомнил, где он.

Скосив глаза, он увидел стоящего на подоконнике дежурного санитаря. Тихо ворча, тот закрывал открывшуюся от порыва ветра фрамугу.

По жестяному карнизу окна тяжело забарабанили капли дождя.

Пётр посмотрел на часы. Стрелки показывали начало первого.

Он сел, обвёл глазами палату. Кроме него никто не проснулся. На краю тумбочки он заметил две белеющие таблетки – его вечернюю дозу. По всей видимости, оставленную заботливой рукой Алексея.

Пётр принял лекарство и вновь лёг. Видимо, вспомнив всю безысходную абсурдность происшедшего с ним за последние годы, сердце бешено заколотило в грудину, будто пытаясь достучаться до чего-то вразумительного, что могло бы успокоить его. К горлу подкатил ком тошноты.

«Уж я дерево любила, поливала-поливала, только дерево завяло...» – со спасительной иронией подумал он и постарался сосредоточиться на остановке потока мыслей. Как и апостол Павел, по сути он был ещё и дзен-буддистом и мог без слов охватить целое.

После нескольких минут усилий в голове у него воцарилось какое-то подобие пустоты, но тут, спящий справа от него Владимир Буров, беспокойно заворочался во сне.

Пётр настороженно прислушался, зная, чем это может закончиться.

Самые худшие его опасения оправдались – Буров резко сел и окинул широко открытыми глазами палату.

– Где я?.. Какая красивая страна... – восхищённо произнёс он, упершись взглядом в обшарпанную стену. – Какая красивая страна...

Пётр встал, вопросительно посмотрел на санитаря. Тот утвердительно кивнул головой.

– Пойдём, Володя, я тебя провожу. – Пётр взял неудавшегося бизнесмена под руку, помог встать. – Надень тапочки...

Буров его не слышал. Изумлённые глаза его блуждали по палате.

– Боже, как красиво... Смотри, Таня... – Он нежно коснулся головы Петра.

По коже Петра побежали мурашки. Он нагнулся, насилу надел упирающемуся соседу тапочки.

– Пойдём-пойдём... – Он мягко подтолкнул бедолагу к двери...

Уже возвращаясь из туалета, Пётр заметил, что дверь сестринской приоткрыта. Сердце взволнованно зачастило в груди. «Почему бы и нет?» – подумалось тут же.

– Подожди, Володя... – Он прислонил подопечного к стене и заглянул в проём.

К его радости, за столом Пётр увидел уже ставшую ему хорошей знакомой Ольгу Станевич.

– Ольга Васильевна! – негромко окликнул он.

Медсестра оторвала глаза от книги.

– Доброй ночи...

– Доброй...

– Вопрос жизни и смерти.

– Что такое?

– Всего один звонок. Всего одна минута. И я век вам буду благодарен...

– Вы знаете, сколько сейчас на часах?

– Знаю. Это не важно. Очень нужно... – голос его охрип.

– Хорошо. Только – одна минута.

– Договорились. Сейчас, отведу одного товарища в палату и вернусь.

– Возвращайтесь...

Пётр метнулся назад, взял Бурова под руку. В глазах того стояли слёзы. Видимо, частица реальности пробилась-таки к его воспалённому сознанию.

– Ну что ты, Володя... – Пётр ободряюще потрепал спутника по плечу. – Успокойся...

Буров послушно кивнул головой, вытер слёзы.

– Пойдём, утро вечера мудренее...

Они медленно побрели в палату.

Заботливо уложив Бурова под одеяло, Пётр тронул за плечо Алексея. Тот тотчас открыл глаза, будто и не спал вовсе.

– Алексей, извини, можно я возьму у тебя сигарету?.. И зажигалку тоже...

– Ты же... – Койро бросил взгляд на санитаря. – Бери, ты знаешь, где.

– Спасибо... – Пётр открыл тумбочку, взял из лежащей на верхней полке пачки сигарету, сунул в карман лежавшую рядом зажигалку.

– Марьянович... – Он повернулся к санитарю и недвусмысленно приложил сигарету к губам.

– Только недолго, – кивнул тот.

– Я мигом. – Пётр направился к двери.

... Трубку на том конце долго не снимали. На лбу у Петра выступила испарина.

– Алло... – наконец сонно раздалось вдалеке.

– Здравствуй, Алла, это я...

Трубка замолчала.

– Ты знаешь, который сейчас час? – недовольно ожила вскоре.

Скулы Петра побелели.

– Знаю. Как твоё здоровье?

– Нормально. А что?

– Нет, просто... Ты ничего мне не хочешь сказать?

– А что я должна тебе сказать? – удивлённо прозвучало в ответ.

– Ну, не знаю...

– Ты можешь перезвонить днём? Сейчас слишком поздно для разговоров, – голос на противоположном конце стал привычно ровным и деловым.

– Хорошо, – зная, что не позвонит, сказал Пётр и положил трубку. В висках его бешено стучало.

– Вам плохо? – обеспокоенно спросила медсестра.

– Нет-нет! Всё нормально... – Пётр выпрямился. – Я же говорил, что всего минутку...

– Кушайте больше, Пётр.

– Постараюсь... Спасибо.

– Спокойной ночи.

– И вам.

Он вышел в коридор и в нерешительности замер. Его так и подмывало вернуться назад, вновь набрать знакомый номер, вновь попытаться... Теперь он даже не знал, что.

С минуту поколебавшись, он шумно выдохнул и зашагал в комнату для курения.

Став у наполовину заколоченного окна, Пётр долго смотрел на стекавшие по трескавшему стеклу капли. На подоконнике, неведь откуда взявшись, лежали два жёлто-красных кленовых листа. Он бережно взял их и, стараясь не помять, положил в карман. Достал сигарету, повертел в дрожащих пальцах, затем зажал в губах. Неуверенно прикурил, сделал глубокую затяжку и закашлялся.

– Инга... Блуждающая звезда... – сказал задумчиво и выбросил сигарету в урну.

В это время, этажом выше, уткнувшись лицом в подушку, плакала его новая знакомая.

В эту минуту они страдали поодиночке, ещё не зная, что вскоре заполнят собою внутреннее пространство друг друга и что по-настоящему будут счастливы...

2008 г.

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО ЯЗЫКА

Путь по тропе филологии подобен приключению в сказочном подземелье со множеством лабиринтов. Пройдя этот путь, выдержав все испытания и преодолев трудности, каждый найдёт свое солнце, которое в дальнейшем будет дарить тёплые лучи вдохновения. Одним из самых тяжёлых испытаний для филологов бесспорно является художественный перевод. Являясь серьёзной авантюрой, деятельность переводчика требует полного погружения в мир художественного произведения, в мир автора, в его эпоху, не говоря уж о стилистических особенностях исходного языка и способов их передачи в языке перевода. Несмотря на всю сложность такого филологического испытания, многие вступают в поединок с драконом, покровителем иностранных языков, чтобы явить миру сокровища мировой литературы. Так например, с 26 по 27 марта 2015 года в кадетском корпусе Полоцкого государственного университета проходили Дни немецкого языка и культуры. В рамках мероприятия желающим предлагалось попытаться счастья в переводе с немецкого языка стихотворения Эриха Кестнера «К фотографии конфирманта» и миниатюры Петера Альтенберга «В парке Фольксгартен». Читатель же пусть оценит по достоинству нелегкие поединки.

АНАСТАСИЯ МОЗГО

ERICH KÄSTNER

Zur Fotografie eines Konfirmanden

Da steht er nun, als Mann verkleidet,
und kommt sich nicht geheuer vor.
Fast sieht er aus, als ob er leidet.
Er ahnt vielleicht, was er verlor.

Er trägt die erste lange Hose.
Er spürt das erste steife Hemd.
Er macht die erste falsche Pose.
Zum ersten Mal ist er sich fremd.

Er hört sein Herz mit Hämmern pochen.
Er steht und fühlt, dass gar nichts sitzt.
Die Zukunft liegt ihm in den Knochen.
Er sieht so aus, als hätt's geblitzt.

Womöglich kann man noch genauer
erklären, was den Jungen quält;
Die Kindheit starb; nun trägt er Trauer
Und hat den Anzug schwarz gewählt.

Er steht dazwischen und daneben.
Er ist nicht groß. Er ist nicht klein.
Was nun beginnt, nennt man das Leben.
Und morgen früh tritt er hinein.

К фотографии конфирманта

Вот он стоит, в мужской костюм одетый,
И буйной головой своей поник.
Он выглядит, как будто что-то терпит,
Или теряет что-то каждый миг.

К фотографии конфирманта

Вот он стоит, одетый как мужчина,
И так неловко чувствует себя,
Но есть его страданиям причина –
Сегодня что-то потерял он навсегда.

Он первый раз одел мужские брюки,
Он первый раз рубашку нацепил.
И ворот шею жмет, мешают руки,
И все как будто не на нем сидит.

Он слышит сердца стук, как звон набата,
и все ж костюм на нем сидит не так.
И мысль о будущем его тоской объята,
Лицо горит, а в душу лезет страх.

Ну кто же объяснит, что за утрата,
Что гложет парня и в глазах тоска?
Он детство схоронил и нет возврата,
И траурный костюм одет не зря.

Вот на пороге жизни он стоит несмело,
Как будто что-то где-то не успел.
Сегодня, сделав шаг, помочь он просит небо,
А завтра взрослой жизни примет он удел.

Перевод Кристины Панкевич

И в первый раз надел он брюки,
И накрахмален воротник,
Не знает он, куда деть руки,
Веселый взгляд его поник.

И сердце бешено стучится,
Он словно громом оглушен,
Сегодня он не веселится,
Сегодня он опустошен.

Совсем несложно объяснить
Причину грусти мальчугана,
И начал траур он носить -
Уходит детство слишком рано.

Не знает он, куда ступить.
Уж не ребенок, и не взрослый.
Сейчас он начинает жить,
А это, знаете-ль, непросто!

Перевод Ирины Ширяевой

PETER ALTENBERG

IM VOLKSGARTEN

„Ich möchte einen blauen Ballon haben! Einen blauen Ballon möchte ich haben!”

„Da hast du einen blauen Ballon, Rosamunde!”

Man erklärte ihr nun, dass darinnen ein Gas sich befände, leichter als die atmosphärische Luft, in folgedessen etc.

„Ich möchte ihn auslassen...“ sagte sie einfach.

„Willst du ihn nicht lieber diesem armen Mäderl dort schenken?!?”

„Nein, ich will ihn auslassen!”

Sie lässt den Ballon aus, sieht ihm nach, bis er verschwindet in den blauen Himmel.

„Tut es dir nicht leid, dass du ihn nicht dem armen Mäderl geschenkt hast?!?”

„Ja, ich hätte ihn lieber dem armen Mäderl geschenkt!”

„Da hast du einen andern blauen Ballon, schenke ihr diesen!”

„Nein, ich möchte den auch auslassen in den blauen Himmel.“ – Sie tut es.

Man schenkt ihr einen dritten blauen Ballon.

Sie geht von selbst hin zu dem armen Mäderl, schenkt ihr diesen, sagt: „Du lasse ihn aus!”

„Nein“, sagt das arme Mäderl, blickt den Ballon begeistert an.

Im Zimmer flog er an den Plafond, blieb drei Tage lang picken, wurde dunkler, schrumpfte ein, fiel tot herab als ein schwarzes Säckchen.

Da dachte das arme Mäderl: „Ich hätte ihn im Garten auslassen sollen, in den blauen Himmel, ich hätte ihm nachgeschaut, nachgeschaut, ...!”

Währenddessen erhielt das reiche Mäderl noch zehn Ballons, und einmal kaufte ihr der Onkel Karl sogar alle dreißig Ballons auf einmal. Zwanzig ließ sie in den Himmel fliegen und zehn verschenkte sie an arme Kinder. Von da an hatten Ballons für sie überhaupt kein Interesse mehr.

„Die dummen Ballons“, sagte sie.

Und Tante Ida fand in folgedessen, dass sie für ihr Alter ziemlich vorgeschritten sei!

Das arme Mäderl träumte: „Ich hätte ihn auslassen sollen, in den blauen Himmel, ich hätte ihm nachgeschaut und nachgeschaut...!”

В ПАРКЕ ФОЛЬКСГАРТЕН

«Я хочу себе голубой шарик! Хочу себе голубой шарик!»

«Держи голубой шарик, Розамунд!»

Вот ей и объяснили, что внутри шарика находится газ легче атмосферного воздуха, поэтому, мол, так и так. А она сказала: «Я хочу отпустить его...»

«Но ты могла бы лучше подарить его вон той бедной девочке!»

«Нет, я хочу выпустить его!»

Она отпустила шарик и смотрела ему вслед до тех пор, пока он не скрылся в голубом небе.

«Разве тебе не жаль, что ты не подарила его бедной девочке?!»

«Да, лучше бы я подарила его бедной девочке!»

«Вот тебе другой голубой шарик, подари ей его!»

«Нет, я и его хочу отпустить в голубое небо». – Так она и поступила.

Вот ей подарили третий голубой шарик.

Она сама подошла к бедной девочке, подарила ей шарик и сказала: «Отпусти же его!»

«Нет», – ответила бедная девочка, восторженно глядя на шарик.

В комнате он взлетел до потолка, провисел там три дня, потемнел, сморщился и с потолка упал уже чёрным мешочком.

Вот бедная девочка и подумала: «Лучше бы я отпустила его в саду, в голубое небо, тогда я бы всё смотрела и смотрела ему вслед...»

Между тем богатой девочке подарили ещё десять шариков, а дядя Карл как-то раз даже купил сразу тридцать шариков. Двадцать из них она отпустила в небо, а десять подарила бедным детям. После этого шарики стали ей совсем неинтересны.

«Глупые шарики», – говорила она.

На что тётя Ида заметила, что девочка весьма разумна для своего возраста!

А бедная девочка всё мечтала: «Лучше бы я отпустила его туда, в голубое небо, тогда я бы всё смотрела и смотрела ему вслед...»

Перевод Анастасии Довгань

В ПАРКЕ ФОЛЬКСГАРТЕН

«Я хочу голубой воздушный шарик! Голубой воздушный шарик хочу!»

«Но ведь у тебя уже есть один, Розамунда!»

После этого ей объяснили, что шарик наполнен газом, который легче воздуха и т.д., и т.д.

«Я хотела бы его отпустить...» – сказала она.

«Не хотела ли бы ты лучше подарить его вон той бедной девочке?!»

«Нет, я хочу его отпустить!»

Она выпускает шарик из рук, провожает его взглядом, пока он не исчезает в голубом небе.

«И тебе не жалко, что ты не подарила его несчастной девочке?!»

«Да, лучше бы я его подарила девочке!»

«У тебя есть другой голубой шарик, подари ей его!»

«Нет, его я тоже хочу отпустить в небо!» – И отпускает.

Ей дарят третий голубой шарик.

Она подходит к бедной девочке, дарит ей шарик и говорит: «Отпусти его!»

«Нет», – говорит девочка, восхищённо рассматривая шарик.

В комнате он взлетел до потолка, провисел так три дня, потемнел, сморщился и упал словно чёрный мешочек.

И тут подумала девочка: «Ах, если бы я отпустила его в парке, я бы могла смотреть ему вслед, вслед!...»

Тем временем богатая девочка получила ещё десять шариков, а однажды дядя Карл купил ей целых тридцать шариков сразу. Двадцать из них она отпустила в небо, а остальные десять подарила бедным детям. С тех пор шарики вообще перестали её интересовать.

«Дурацкие шарики», – сказала она.

Это обстоятельство позволило тётушке Иде признать, что для своего возраста девочка достаточно развита. А бедная девочка мечтала: «Ах, если бы я отпустила его в небо, я бы смотрела ему вслед, вслед!..»

Перевод Ольги Шалкевич

В НАРОДНОМ ПАРКЕ

– Я хочу голубой шарик! Ну пожалуйста, пожалуйста! Я хочу голубой шарик!

– Держи, Розамунда! Вот тебе голубой шарик!

Затем девочке объяснили, что в шарике содержится газ, который легче атмосферного воздуха, и посему выходит так-то и так-то...

– Я хотела бы отпустить его в небо.... – промолвила девочка.

– Может, лучше ты подаришь его вон той девчонке родом из бедной семьи?

– Нет, я хочу отпустить его!

И она выпустила шарик из рук и провожала парящий в воздухе шар взглядом до тех пор, пока он медленно не скрылся в голубом небе.

– Ты не жалеешь, что не подарила его бедной девочке?

– Да... – вздохнула Розамунда, – лучше бы я подарила шарик той девчонке.

– Вот тебе ещё один голубой шарик. Ступай, подари его девочке.

– Нет, его я тоже хотела бы отпустить в голубое небо. – И она выпустила шарик из рук.

Ей подарили третий голубой шарик. Девочка взяла его, тотчас направилась к бедной девчонке и подарила ей шарик, сказав: «Держи, выпусти его из рук прямо в небо».

– Нет, – сказала бедная девочка и восторженно посмотрела на шарик.

В комнате, куда она принесла его, шарик поднялся к потолку и оставался там висеть, как приклеенный, на протяжении трёх дней, затем потемнел, сморщился и упал навзничь подобно чёрному мешочку.

И тут девочка из бедной семьи подумала: «Мне следовало отпустить его в небо ещё там, в саду. Тогда я бы могла наблюдать за тем, как он парил бы в голубом небе, пока бы и вовсе не скрылся в нём».

Тем временем девочке из богатой семьи купили еще десять воздушных шариков, а однажды дядя Карл подарил ей целых тридцать шариков. Двадцать из них она отпустила в небо, а десять шаров подарила детям из бедных семей. С тех пор Розамунда и вовсе потеряла интерес к шарикам.

– Что за дурацкие шарики, – высказалась она однажды.

Посему тётя Ида подумала, что девочка для своих лет довольно смыслёная.

А бедная девочка всё возвращалась в мечтах к тому голубому шару. «Лучше бы я отпустила шарик в небо. Тогда я следила бы за ним взглядом, пока он бы парил в воздухе, поднимаясь всё выше и выше и медленно скрываясь в голубом небе».

Перевод Елены Юшко

В НАРОДНОМ САДУ

«Я хочу голубой воздушный шар! Голубой шарик, я хочу иметь!»

«Розамунда, у тебя же есть голубой шарик!»

Как-то девочке было объяснено, что внутри шарика находится газ, который легче воздуха, в связи с чем шар может улететь высоко-высоко в небо.

«Я хочу его отпустить», – не задумываясь, сказала она.

«А ты не хотела бы лучше подарить его бедной девочке?!»

«Нет! Я хочу его отпустить!»

Она отпускает шарик, следя за ним до тех пор, пока он не исчез в синем небе.

«Тебе не жалко, что ты не подарила шарик бедной девочке?!»

«Лучше я подарила бы его бедной девочке!»

«У тебя есть ещё один голубой шарик, подари ей его!»

«Нет, его я тоже хочу отпустить в голубое небо». – И тут же она делает это. Ей дарят третий голубой воздушный шарик.

Она идет к бедной девочке и дарит его со словами: «Запусти его!»

«Нет», – говорит бедная девочка, наслаждаясь шариком.

В комнате шарик в течение трёх дней висел около люстры, затем он начал уменьшаться и темнеть, и, в конце концов, он мёртво упал на землю, как чёрный мешочек.

Бедная девочка с грустью подумала: «Я должна была тогда в саду отпустить его в голубое небо, я бы смотрела на него и смотрела!»

Тем временем богатой девочке подарили ещё десять воздушных шариков. А один раз дядя Карл купил ей тридцать шариков за один раз. Двадцать она отпустила в синее небо, а десять раздала бедным детям. С тех пор шарики её больше не интересуют.

«Глупые шарики», – лишь говорила она.

А тётя Ида сделала из этого вывод, что девочка намного умнее своих сверстников.

Бедная девочка лишь мечтала: «Я должна была тогда в саду отпустить его в голубое небо, я бы смотрела на него и смотрела!»

Перевод Анны Ковяко

Иоганн Петер Гебель (Johann Peter Hebel, 1760–1826) – немецкий писатель, теолог и педагог. В творческом наследии Гебеля значимое место занимают так называемые календарные рассказы, особый жанр малой прозы, получивший широкое распространение в немецкой литературе XVIII столетия благодаря занимательным сюжетам из жизни простых людей и дидактическому характеру. В XIX веке усилиями И.П. Гебеля календарный рассказ становится самостоятельной литературной формой, сочетающей в себе первоначальную простоту фабулы, часто неожиданный финал и богатство языка. В XX веке жанр календарного рассказа получил дальнейшее развитие в творчестве Б. Брехта («Плащ еретика», «Раненый Сократ» и др.), Э. Штреттматтера, Б. Штрауса.

К жанру календарного рассказа относится и «Неожиданное свидание» (1811), опубликованное Гебелем в сборнике «Шкатулка рейнского домашнего круга». Следует отметить, что литературный критик М. Райх-Раницкий включил данный сборник в антологию «Канон», которая объединяет выдающиеся немецкоязычные произведения разных столетий. Сюжет, положенный в основу «Неожиданного свидания», получил благодаря Гебелю широкую известность и дал импульс для создания целого ряда произведений (новелла Э.Т.А. Гофмана, драма Г. фон Гофмансталя, опера Р. Вагнера, все под одним названием – «Фалунские рудники», а также рассказ Дж. Барнса «Предание о Матсе Израэльсоне»). В русской литературе интерес к рассказу Гебеля проявил В.А. Жуковский, переложив сюжет в стихотворной форме с опущением некоторых событий и наоборот добавлением других исторических фактов. Данные обстоятельства и побудили меня сделать перевод, максимально приближенный к тексту оригинала.

JOHANN PETER HEBEL

UNVERHOFFTES WIEDERSEHEN

aus: Johann Peter Hebel: Werke. Zwei Bände; hrsgg. v. Otto Behagel, Stuttgart 1883–1884 (= Kürschners Deutsche National-Literatur Bd. 142/1 und 142/2) Bd. 2: Schatzkästlein des rheinischen Hausfreundes, 1884

In Falun in Schweden küsste vor guten fünfzig Jahren und mehr ein junger Bergmann seine junge hübsche Braut und sagte zu ihr: «Auf Sankt Luciä wird uns unsere Liebe von des Priesters Hand gesegnet. Dann sind wir Mann und Weib und bauen uns ein eigenes Nestlein.» – «Und Friede und Liebe soll darin wohnen», sagte die schöne Braut mit holdem Lächeln, «denn du bist mein Einziges und Alles, und ohne dich möchte ich lieber im Grab sein, als an einem anderen Ort.» Als sie aber vor St. Luciä der Pfarrer zum zweiten Mal in der Kirche ausgerufen hatte: «So nun jemand Hindernis wüsste anzuzeigen, warum diese Personen nicht möchten ehelich zusammenkommen», da meldete sich der Tod. Denn als der Jüngling den andern Morgen in seiner schwarzen Bergmanns Kleidung an ihrem Haus vorbeiging, der Bergmann hat sein Totenkleid immer an, da klopfte er zwar noch einmal an ihrem Fenster und sagte ihr guten Morgen, aber keinen Abend mehr. Er kam nimmer aus dem Bergwerk zurück, und sie säumte vergeblich selbigen Morgen ein

schwarzes Halstuch mit rotem Rand für ihn zum Hochzeitstag, sondern als er nimmer kam, legte sie es weg und weinte um ihn und vergaß ihn nie. Unterdessen wurde die Stadt Lissabon in Portugal durch ein Erbeben zerstört, und der Siebenjährige Krieg ging vorüber, und Kaiser Franz der Erste starb, und der Jesuitenorden wurde aufgehoben und Polen geteilt, und die Kaiserin Maria Theresia starb, und der Struensee wurde hingerichtet, Amerika wurde frei, und die vereinigte französische und spanische Macht konnte Gibraltar nicht erobern. Die Türken schlossen den General Stein in der Veteraner Höhle in Ungarn ein, und der Kaiser Joseph starb auch. Der König Gustav von Schweden eroberte russisch Finnland, und die Französische Revolution und der lange Krieg fing an, und der Kaiser Leopold der Zweite ging auch ins Grab. Napoleon eroberte Preußen, und die Engländer bombardierten Kopenhagen, und die Ackerleute säeten und schnitten. Der Müller mahlte, und die Schmiede hämmerten, und die Bergleute gruben nach Metalladern in ihrer unterirdischen Werkstatt. Als aber die Bergleute in Falun im Jahr 1809 etwas vor oder nach Johannis zwischen zwei Schachten eine Öffnung durchgraben wollten, gute dreihundert Ellen tief unter dem Boden, gruben sie aus dem Schutt und Vitriolwasser den Leichnam eines Jünglings heraus, der ganz mit Eisenvitriol durchdrungen, sonst aber unverwest und unverändert war; also dass man seine Gesichtszüge und sein Alter noch völlig erkennen konnte, als wenn er erst vor einer Stunde gestorben, oder ein wenig eingeschlafen wäre an der Arbeit. Als man ihn aber zu Tag ausgefordert hatte, Vater und Mutter, Gefreundete und Bekannte waren schon lange tot, kein Mensch wollte den schlafenden Jüngling kennen oder etwas von seinem Unglück wissen, bis die ehemalige Verlobte des Bergmanns kam, der eines Tages auf die Schicht gegangen war und nimmer zurückkehrte. Grau und zusammengeschrumpft kam sie 30 an einer Krücke an den Platz und erkannte ihren Bräutigam; und mehr mit freudigem Entzücken als mit Schmerz sank sie auf die geliebte Leiche nieder, und erst als sie sich von einer langen heftigen Bewegung des Gemüts erholt hatte, «es ist mein Verlobter», sagte sie endlich, «um den ich fünfzig Jahre lang getrauert hatte und den mich Gott noch einmal sehen lässt vor meinem Ende. Acht Tage vor der Hochzeit ist er unter die Erde gegangen und nimmer heraufgekommen.» Da wurden die Gemüter aller Umstehenden von Wehmut und Tränen ergriffen, als sie sahen die ehemalige Braut jetzt in der Gestalt des hingewelkten kraftlosen Alters und den Bräutigam noch in seiner jugendlichen Schöne, und wie in ihrer Brust nach 50 Jahren die Flamme der jugendlichen Liebe noch einmal erwachte; aber er öffnete den Mund nimmer zum Lächeln oder die Augen zum Wiedererkennen; und wie sie ihn endlich von den Bergleuten in ihr Stüblein tragen ließ, als die Einzige, die ihm angehöre und ein Recht an ihn habe, bis sein Grab gerüstet sei auf dem Kirchhof. Den andern Tag, als das Grab gerüstet war auf dem Kirchhof und ihn die Bergleute holten, schloss sie ein Kästlein auf, legte sie ihm auf das schwarzseidene Halstuch mit roten Streifen um und begleitete ihn alsdann in ihrem Sonntagsgewand, als wenn es ihr Hochzeitstag und nicht der Tag seiner Beerdigung wäre. Denn als man ihn auf dem Kirchhof ins Grab legte, sagte sie: «Schlafe nun wohl, noch einen Tag oder zehen im kühlen Hochzeitbett, und lass dir die Zeit nicht lange werden. Ich habe nur noch wenig zu tun und komme bald, und bald wird's wieder Tag. – Was die Erde einmal wieder gegeben hat, wird sie zum zweitenmal auch nicht behalten», sagte sie, als sie fortging und noch einmal umschaute.

НЕОЖИДАННОЕ СВИДАНИЕ

Добрых пятьдесят лет назад или даже более в Фалуне в Швеции молодой рудокоп поцеловал юную прелестную невесту и сказал ей: «В день святой Люции рука священника благословит нашу любовь. Мы станем тогда мужем и женой и будем вить собственное гнездышко». – «И в нём будут жить мир и любовь, – проговорила с милой улыбкой прекрасная невеста, – ведь ты для меня всё, и без тебя лежать мне лучше в могиле, чем в другом каком месте». Но когда в канун дня святой Люции священник в церкви во второй раз воскликнул: «Найдётся ли тот, кто укажет на препятствие, почему эти люди не могут сочетаться браком», подала свой знак смерть. На другое утро прошёл юноша в чёрной горняцкой одежде – рудокоп всегда одет в чёрное смертное платье – мимо дома своей невесты, постучал ещё раз в окошко и пожелал ей доброго утра, но не смог сделать того же вечером. Он больше не воротился из шахты, и она напрасно в то утро нашивала красную кайму на его чёрный свадебный шейный платок. А когда он не воротился, отложила она платок в сторону и плакала о своём женихе и никогда его не забывала. Между тем был разрушен землетрясением город Лиссабон в Португалии и миновала Семилетняя война, умер кайзер Франц I и прекратил существование орден Иезуитов, произошел раздел Польши и скончалась императрица Мария Терезия, был казнен Струэнзе, стала свободной Америка, а объединенный флот Франции и Испании не сумел завоевать Гибралтар. Турки блокировали генерала Штейна в Ветеранской пещере в Венгрии, почил в бозе и кайзер Иосиф. Король Швеции Густав отвоевал у русских часть Финляндии, произошла Французская революция и началась долгая война, ушёл в могилу кайзер

Леопольд II. Наполеон завоевал Пруссию, англичане подвергли артиллерийскому обстрелу Копенгаген, а землепашцы продолжали сеять и жать. Мельник молол муку, кузнецы стучали молотками, а рудокопы в поисках металлических жил долбили землю в своей подземной мастерской. Когда в 1809 году фалунские рудокопы незадолго до Иванова дня либо вскоре после того вознамерились прорыть ствол между двумя шахтами, на добрых три сотни локтей вглубь, то обнаружили среди каменной породы и мелантерита труп юноши, тело которого было целиком пропитано железным купоросом, но кроме этого не подверглось разложению и изменениям; так что можно было различить черты его лица и узнать возраст, будто умер он всего час назад или задремал за работой. Когда увидел он вновь белый свет, умерли уже давно отец и мать, друзья и знакомые; ни одна живая душа не знала спящего юношу и хоть что-нибудь о постигшем его несчастье, пока не пришла бывшая невеста рудокопа, ушедшего однажды в забой и больше неворотившегося обратно. Седая и сморщенная, она подошла и узнала своего жениха; опустившись скорее с радостным восторгом, чем с болью на любимое тело, она, лишь придя в себя после долгого бурного душевного волнения, промолвила наконец: «Это мой жених, которого я оплакивала пятьдесят лет и которого Господь позволил мне увидеть перед кончиной. Он спустился под землю за восемь дней до свадьбы и больше не поднялся наверх». Печаль и слезы охватили сердца всех стоявших вокруг людей, когда увидели они бывшую невесту, увядшую немощную старуху, и жениха во всей его юношеской красоте, и то, как по прошествии пятидесяти лет в её груди вновь зажегся огонь прежней любви; но он больше не разомкнул губы, чтобы улыбнуться, не открыл глаза, чтобы узнать её. Как единственный близкий человек, имевший все права на покойного, попросила она рудокопов отнести его в её комнатку, пока будет готовиться на кладбище могила. Когда на другой день могила была готова и горняки пришли забирать тело, открыла она ларец, повязала ему на шею чёрный шелковый платок с красной каймой и затем отправилась провожать его в своём воскресном платье, словно был это день её свадьбы, а не день его погребения. Когда опустили его на кладбище в могилу, она молвила: «Спи с миром, быть тебе ещё день или десяток дней в холодной супружеской постели, пусть время пройдёт незаметно. Дел у меня осталось мало, я скоро приду, скоро снова наступит день. — Что земля однажды отдала, то не будет удерживать и в другой раз», — сказала она оборачиваясь, когда уходила.

Подготовка текста, перевод с немецкого и вступление Татьяны Гордеёнок

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Говоря о художественном переводе, нельзя не привести слова известного русского поэта, переводчика и ученого В.К. Тредиаковского «... переводчик от творца только именем разнится». Но насколько ценна и похвальна работа переводчика художественных произведений, настолько она и сложна. Опасность буквализма подстерегает на каждом шагу. И в этой связи как никогда уместны слова Н.В. Гоголя о том, что «иногда нужно отдаляться от подлинника, чтобы быть к нему ближе» и «в переводе более всего нужно привязываться к мысли и менее всего к словам, хотя последние чрезвычайно соблазнительны». Особо полезны эти «советы» начинающим переводчикам. Представленные ниже работы (перевод английской сказки "The Hedley Kow" и стихотворения) – попытка почувствовать себя в этом виде деятельности, и, конечно же, они должны совершенствоваться. Тем более, что переводчик – это публичная профессия и независимо от желания переводчика результаты его труда всегда должны оцениваться, что мы и предлагаем сделать нашим читателям.

ЕЛЕНА ХРАМЦОВА

ADELAIDE LOVE

A Book

A book, I think, is very like
A little golden door
That takes me into places
Where I've never been before.

It leads me into fairyland
Or countries strange and far
And, best of all, the golden door
Always stands ajar.

Книга

Любая книга – в сказку дверь,
Ее легко открыть.
Один лишь шаг – и уж поверь,
Что станет ярче жизнь.

Она туда ведет нас всех,
Где море спит у скал.
Открыта эта дверь для всех,
Кто книгу в руки взял.

Перевод Полины Ткаченко

Книга

На что похожа книга?
На маленькую золотую дверцу,
Что перенесет вас в те места,
В которых вы мечтали очутиться.

Поможет в сказке побывать
И в странах неизведанных, далеких.
Нам нужно лишь ее почаще открывать.
Ведь ключ от этой дверцы есть у многих.

Перевод Алисы Скработун

THE HEDLEY KOW

The people of the neighbourhood of Hedley, on the skirts of Blackburn Fell, west of Ravensworth, on the road to Tanfield, were frequently annoyed by the pranks of a boggle named Hedley Kow. He belonged to a family of goblins more mischievous than cruel. He did nobody any serious harm, but took delight in frightening them. To whomsoever he appeared he usually ended his cantrips with a hoarse laugh after he had played them some sorry trick.

The iliy-willy Kow was a perfect plague to the servant girls at farm houses ail round the fell. Sometimes he would call them out of their warm beds by imitating the voice of their lovers at the window. At other times he would open the milk-house door, and invite the

cat to lap the cream, let down stitches in the stockings they had been knitting, or put their spinning wheel out of order. But his favourite trick was to take a shape of a favourite cow and to lead a milk-maid a long chase round the field before he would allow himself to be caught. After kicking and rowing during the whole milking time, he would at last upset the pail, and, slipping clear of the tie, give a loud bellow and bolt of tail on end, thus letting the girl know she had been the sport of the Kow. This trick of his was so common that he seems to have got his name from, it, though to tell him from a real cow, folk called him Kow or Koo. Here is a story about this Hedley Kow.

There was once an old woman, Goody Blake, who lived in a little bit of a cottage and earned a scant living by running errands for her neighbours; she got a bite here, a sup there, making shift to get on *somehow*. She always looked as spry and cheery as if she had not a want in the world.

One summer, evening, as she was trotting, full of smiles as ever, along the nigh road to her hovel, what she should see but a big pot lying in the ditch, ' "

'Goodness me!' cried Goody, 'that would be just the very thing for me if I only had something to put in it. But "it would be fine to put a flower in for my window; so I'll just take it home with me.'

And with that she lifted the lid and looked inside. Mercy me she cried in amazement. 'If *it isn't full of* gold pieces! Here's luck!' And so it was, brimful of great gold coins. She felt awful rich and wondered how she was to get her treasure home. At last she could see no better way than to tie the end of her shawl to it and drag it behind her like a go-cart.

Then she was a bit tired of dragging such a heavy weight and, stopping to rest a while, turned to look at her treasure. And lo! It wasn't a pot of gold at all! It was nothing but a lump of silver. She stared at it and rubbed her eyes. 'Well I never!' she said at last. 'And me thinking it was a pot of gold! But this is luck. Silver is far less trouble, easier to mind and not so easy stolen.' 'So she went off again planning what she would do, and feeling as rich as rich.

When she stopped to rest again and gave a look around to see if her treasure was safe, she saw nothing but a great rump of iron. 'Well I never!' said Goody. *I must* have been dreaming of silver. But this is luck. It's real convenient. I can get penny pieces for old iron, and penny pieces are a deal handier for me than your gold and silver!' So on she trotted full of plans as to how she would spend her penny pieces.

Once more she stopped to rest and, looking around, saw nothing but a big stone. 'Well I never! she cried full of smiles. 'And to think I mistook it for iron. But here's luck indeed, me wanting a stone terrible bad to stick open the gate.' All in a hurry to see how the stone would keep the gate open, she trotted off down the road till she came to her own cottage.

She bent over the stone to " unfasten the shawl end, when... 'Oh my!' All of a sudden it gave a jump, a squeal, and in one moment was as big as a haystack. Then it let down four great lanky legs and threw out two long ears, flourished a great long tail and romped - kicking and squealing and whinnying and laughing like a naughty boy!

The old woman stared after it till it was out of sight and then She burst out laughing too. 'Well,' she chuckled, 'I am the luckiest body hereabouts. Fancy my seeing the Hedley Kow all to myself; and making myself so free with it too!' And Goody Blake went into her cottage and spent the evening chuckling over her good luck.

ХЕДЛИ МУ

Жителям местечка Хедли, что на окраине Блэкбернской пустоши к западу от Рейвенсуорта и на пути в Тэнфильд, частенько докучало своими проделками существо по имени Хедли Му. Этот чертенок был родом из семейства нечисти больше надоедливой, чем злой. Он не причинял никому серьезного вреда, однако приходил в восторг, когда ему удавалось кого-либо напугать. У кого бы он не появлялся, его проделки заканчивались хриплым хихиканьем.

Озорной чертенок был настоящим бедствием для молодых доярок, работающих на фермах во всей округе. Время от времени, разговаривая под окнами доярок голосами их возлюбленных, он выманивал девушек из теплых постелей. Другой раз он открывал двери кладовых и впускал котов, позволяя им полакомиться сливками. Бывало он распускал петли в чулках или ломал прялки. Но самой любимой забавой Хедли Му было обернуться коровой и заставить доярку гоняться за ним по всему полю, пока ему не надоест, и он не решит сдаться. После этого, пока его доили, он ревел и брыкался, в конце концов опрокидывал ведро с молоком, срывался с привязи и, шлепая хвостом, громко мычал. Тут доярка понимала, что это проделки Хедли Му. Он так часто превращался в корову, что местные жители дали ему имя Хедли Му, чтобы не перепутать его с настоящей коровой. Вот рассказ о еще одной из его проказ.

Жила-была одна добрая старушка по имени Гуди Блейк. Жила она в маленькой хижине и кормилась с того, что бегала по разным поручениям соседей. Так сяк она изворачивалась, еле-еле сводя концы с концами. Но при всем этом она выглядела всегда такой веселой и жизнерадостной, как будто не знала ни в чем нужды.

Однажды летним вечером как всегда с улыбкой на лице она спешила к своей хижине. И тут старушка увидела на обочине дороги горшок.

-- О, Божечки - воскликнула Гуди. -- Как жаль, что мне совсем нечего в него положить. Но не беда! В него можно посадить цветы и поставить на окно. Возьму-ка я его с собой».

После этого она открыла крышку и заглянула внутрь горшка. --Ух ты! - воскликнула она снова. -- Вот так удача! Да он полон золота!» горшок действительно был полон золотых монет. Гуди почувствовала себя ужасно богатой и стала раздумывать, как бы доставить сокровище домой. В конце концов она не придумала ничего лучше, чем перевязать горшок своим платком и тянуть его за собой, как тележку.

Немного подустав тащить такую тяжесть, она остановилась перевести дух и снова взглянула на свое сокровище. Подумать только! Это вовсе не был горшок с золотом! Это же был кусок серебра! Гуди уставилась на него в изумлении. -- Вот тебе и на! - воскликнула старушка, немного погодя. -- А я думала, что это был горшок с золотом! С серебром намного меньше хлопот. Вот это удача! Его проще хранить и его не так легко украсть». С этими мыслями она отправилась дальше, раздумывая, что будет делать с ним и чувствуя себя все еще безумно богатой.

Когда она остановилась еще раз, чтобы отдохнуть и проверить, все ли в порядке с ее богатством, она обнаружила большой кусок железа. -- Вот тебе раз! - сказала Гуди. --Видимо, серебро мне привиделось. Но это действительно удача. Мне так удобнее. Я смогу выручить много монет за это железо и эти монетки привычнее мне, чем ваше золото и серебро. Гуди побежала дальше воодушевленная и полная планов о том, как она потратит вырученные деньги.

Сделав привал очередной раз, старушка посмотрела опять на свое сокровище и увидела вместо куска железа большой камень. -- Вот это да! - радостно воскликнула старушка. -- Я-то приняла камень за кусок железа. Мне действительно повезло, ведь мне так нужен был камень, чтобы подпереть ворота. Торопясь поскорее посмотреть, подойдет ли ей камень, она засеменила к своему дому. И в тот момент, когда она уже собиралась отвязать платок... -- Ой-ёй-ёй!

Сделав огромный прыжок, взвизгнув, в один момент камень стал размером со стог сена. Потом у него появились четыре огромные лапы, выросли два длинных уха и огромный хвост. Пинаясь, визжа и хохоча, как непослушный ребенок, он взмахнул хвостом и ускорился.

Старушка стояла как вкопанная и смотрела вслед чудищу, пока оно не скрылось из виду, и вдруг прыснула со смеху. -- Ну! - сказала она, все еще смеясь. -- Я самый везучий человек в округе! Я и Хедли Му увидела своими глазами, и легко отделалась от него! Гуди Блейк вошла в свой дом и радовалась весь вечер своей удаче.

Перевод Полины Ткаченко

Уважаемые читатели! Если Вы хотите, чтобы Ваше произведение было опубликовано на страницах альманаха «Литературный ОбъектИФФ», Вам следует предоставить электронный вариант рукописи. Для этого обращайтесь на кафедру мировой литературы и иностранных языков (ауд. 201) или присылайте файл в формате .doc на электронный адрес L.Oalmanac@yandex.ru. По всем интересующим Вас вопросам Вы можете обращаться лично к Дмитрию Лабовкину (тел. +375 29 776 86 85), Анастасии Мозго (тел. +375 29 292 67 42) и Сергею Гочакову (тел. +375 33 316 79 70).

Не ограничивайте себя рамками жанров, форм, содержания или объёма, но помните, что отбор работ проводится на конкурсной основе. Если Ваше произведение прошло конкурс, однако Вы не встретили его на страницах альманаха, оно обязательно будет издано в следующем номере.

Редколлегия

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Лобач У.

Неба малое абраз на раз	3
Калодзежы з “журавамі”	3
Каляды. Дождз. Смуга да небакраю	3
У кубку астылай чорнай кавы	3
Ніхто не выходзіць стаяць на дарогу	3
Сутокі	3
Наша з табою рака у гэту восень	3
Смутна, калі ёсць азёры, а караблёў няма	3
Дзеці смяюцца, мурлыкае кошка	3
Хто потым скажа, якою ты нотай быў?	3

Багарадава Т.

Калі маркотна плача дождж	4
Вельмі хочацца расой стаць	4
Месячна, росна і распачна	4
Крылаў палёт абсяжны	4

Шуханкова М.

Alter ego	5
Записаны все дни в небесном циферблате	5
Мы только лишь тени умерших героев	5
Суламифь	5
Повинуясь закону земному	5

Чулова Е.

Задача	6
Save	6
Лето	6
Луна	6
О любви	6

Мальцев В.

Одним желаньем существую я теперь	7
Боль утихла, высохли глаза	7
Налей, мой друг, полней стаканы	7
Путь трамвайный заснежен	7
Холода пришли, холода	7
Помянем позднюю любовь	7
Здесь каждый камень наши встречи помнит	7
Я шагаю, немного пьяный	7
Ты уехал и погода изменилась	7

Мозго А.

Ты – мой первоапрельский дождь... ..	8
Сapre pochet	8
Я – Пандора с ящиком сомнений	8

Гильмуллина Я.

Дом небесный	9
Я когда-нибудь уйду	9

ПРОЗА

Крупский М. Русская рулетка	10
Волкова Н. Парк	11
Мозго А. Белая мозаика	12
Гайдомович Е. Бастилия	15
Лабовкин Д. Она	17
Routrova M., Zyll S. Love, Hurt and Forgiveness	19
Гугнин А. Стихи и проза Сергея Малолеткина	21
Малолеткин С.	
Техника железного сердца	27
Красивая страна	32

ПЕРЕВОДЫ С НЕМЕЦКОГО

Kästner E. «Zur Fotografie eines Konfirmanden»	44
Кестнер Э.	
«К фотографии конфирманта» (Перевод Панкевич К.).....	44
«К фотографии конфирманта» (Перевод Ширяевой И.)	44
Altenberg P. «Im Volksgarten»	45
Альтенберг П.	
«В парке Фольксгартен» (Перевод Довгань А.)	46
«В парке Фольксгартен» (Перевод Шалкевич О.)	46
«В Народном парке» (Перевод Юшко Е.)	47
«В народном саду» (Перевод Ковяко А.)	47
Hebel J.P. «Unverhofftentes Wiedersehen»	48
Гебель И.П. «Неожиданное свидание» (Перевод Гордеёнок Т.)	49

ПЕРЕВОДЫ С АНГЛИЙСКОГО

Love A. «A book».....	51
Лав А.	
«Книга» (Перевод Ткаченко П.)	51
«Книга» (Перевод Скработун А.)	51
«The Hedley Kow».....	51
«Хедли Му» (Перевод Ткаченко П.)	52

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ОБЪЕКТИФФ

Литературный альманах

Основан в 2014 году

Выпуск 4

Ответственная за выпуск *А.И. Мозго*
Компьютерная верстка *А.И. Мозго*
Дизайн обложки *Д. Туришук, Е. Устинович*

Подписано в печать 31.08.2015. Формат 60х84 $\frac{1}{8}$. Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 4,18. Уч.-изд. л. 4,29. Тираж 99 экз. Заказ 1065.

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования «Полоцкий государственный университет».

ЛИ № 02330/0548568 от 26.06.2009 ЛП № 02330/0494256 от 27.05.2009

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк. Свидетельство о государственной регистрации
издателя, изготовителя, распространителя печатных изданий
№ 1/305 от 22.04.2014.

ЛП № 02330/278 от 08.05.2014.

Ул. Блохина, 29, 211440, г. Новополоцк.